

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

ДЖЕЙМС
РОЛЛИНС

Седьмая казнь

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

Джеймс Роллинс
Седьмая казнь
Серия «Книга-загадка,
книга-бестселлер»
Серия «Отряд «Сигма»», книга 11

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23284472

Джеймс Роллинс Седьмая казнь:
ISBN 978-5-699-96041-5

Аннотация

В суданской пустыне внезапно объявился руководитель пропавшей два года назад экспедиции, профессор Британского музея Гарольд Маккейб. Тело ученого пребывало в жутком состоянии – он стал мумией еще при жизни и умер по дороге в больницу. Во время вскрытия в каирском морге у Маккейба начал светиться мозг. А еще через двое суток люди, присутствовавшие при этом, тяжело заболели. Вспыхнула эпидемия, и половина заразившихся умерла. Такие события не могли пройти мимо недремлющего ока директора отряда «Сигма» Пейнтера Кроу...

Содержание

Слова благодарности	5
Замечания исторического характера	10
Замечания научного характера	12
Часть первая	29
Глава 1	29
Глава 2	49
Глава 3	65
Глава 4	83
Глава 5	96
Глава 6	116
Глава 7	132
Глава 8	150
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Джеймс Роллинс

Седьмая казнь

James Rollins

THE SEVENTH PLAGUE

Серия «Книга-загадка, книга-бестселлер»

© 2016 by James Czajkowski

© Борисова Т., Гордиенко В., перевод на русский язык,
2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

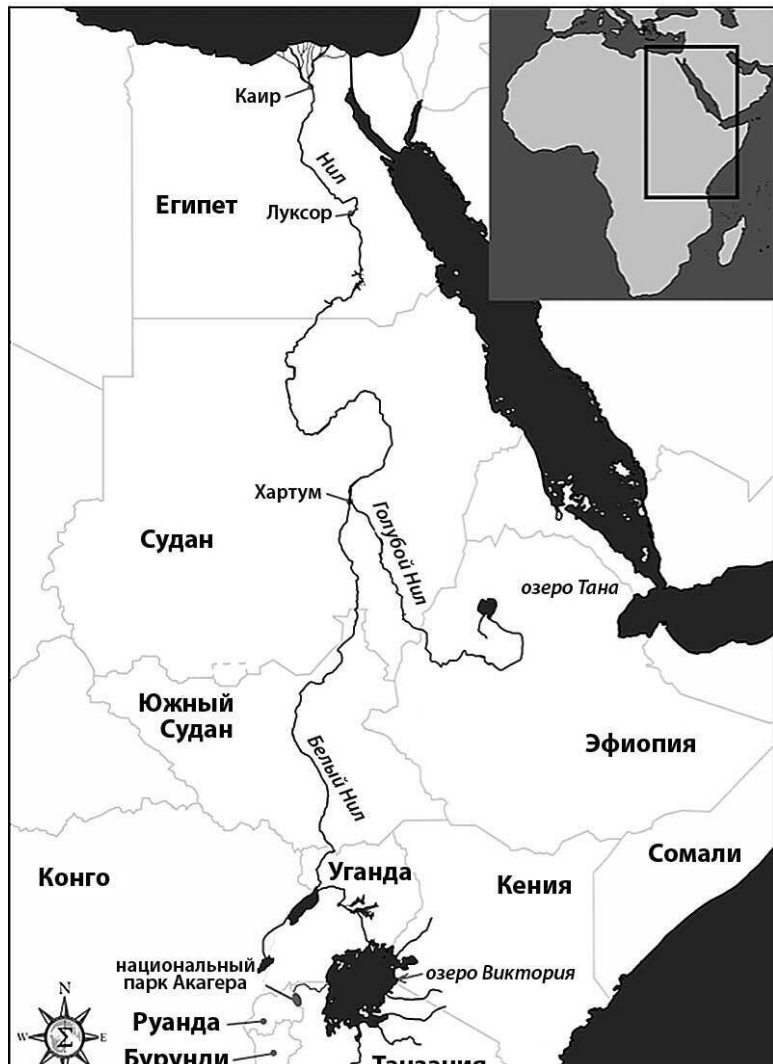
*Спасибо моим родителям,
Рональду и Мэри-Энн, за вдохновение и
безоговорочную поддержку, за долгий – длиною в
жизнь – пример того, как нужно любить...*

Вы вновь вместе, навеки в мире.

Слова благодарности

Работать над этой книгой мне помогало огромное количество людей: вниманием и советами, критикой и ободрением, а главное – дружеской поддержкой. Хочу поблагодарить своих первых читателей, редакторов и критиков, которые заставляли меня двигаться дальше и копать глубже: Салли Энн Барнс, Крис Кроу, Ли Гарретт, Джей О’Рива, Денни Грейсон, Леонард Литтл, Джуди Прей, Кэролайн Уильямс, Кристиан Райли, Тод Тодд, Крис Смит и Эми Роджерс. Как всегда, особая благодарность Стиву Прею за великолепные карты, Дэвиду Сильвиану за неизменную заботу о моей производительности и Чери Маккартер за множество исторических и научных нюансов, которыми полны эти страницы! Разумеется, спасибо всем в «Харпер коллинз» за подстраховку, в частности, Майклу Моррисону, Лайет Стелик, Даниэлле Бартлет, Кейтлин Гарри, Джошу Марвеллу, Линн Грейди, Ричарду Акуану, Тому Эгнеру, Шону Никольсу и Анне Марии Аллесси. Ну и конечно, я очень признателен людям, которые сыграли важную роль на всех стадиях работы: моему редактору Лиссе Кейш и ее коллеге Приянке Кришнан; моим агентам Рассу Галену и Дэнни Барору (а также его дочери Хизер Барор). Как обычно, хочу подчеркнуть, что любые фактические ошибки в книге – надеюсь, их не слишком много – целиком на моей совести.

БАССЕЙН РЕКИ НИЛ

Замечания исторического характера

И сказал Моисей народу: «Помните сей день, в который вышли вы из Египта, из дома рабства; ибо рукою крепкою вывел вас Господь оттоле»...

Исх. 13:3

В Библии мало преданий, которые так же сильно волнуют душу или так же часто пересказываются – и на бумаге, и на экране, – как история Моисея. Его судьбоносное спасение в младенчестве, когда он в тростниковой корзине приплыл в руки дочери фараона, дальнейшее противостояние с сыном того самого фараона – все это сделало Моисея личностью легендарной. Чтобы спасти еврейский народ от рабства, пророк обрушил на Египет десять бедствий – «десять казней египетских», затем заставил море расступиться и увел своих людей в пустыню – на долгих сорок лет. Кроме того, именно Моисей доставил еврейскому народу Скрижали с десятью заповедями, которые легли в основу новой системы законов.

Однако было ли все это на самом деле? Большинство историков и религиозных лидеров считают Исход мифом – скорее, духовным наставлением, нежели историческим фактом. В поддержку такого мнения археологи-скептики указывают на отсутствие египетских первоисточников, где упоминался

бы целый ряд бедствий или массовый исход рабов в обозначенный Библией период.

Тем не менее последние находки в районе Нила наводят на мысль о том, что малoverы ошибаются. Существуют ли доказательства в поддержку истории Моисея, великого исхода, чудес и проклятий? Претерпевал ли Египет пресловутые десять казней? Поразительные ответы, лежащие на этих страницах, основаны на убедительных фактах. Один из них, к примеру, – слово «Израиль», высеченное на стеле сына Рамсеса Великого.

А если казни египетские все же имели место, то могут ли они повториться – только уже в мировом масштабе?

Ответом на этот вопрос служит пугающее... да.

Замечания научного характера

Климат – это то, что мы ожидаем; погода – то, что получаем.

Высказывание, приписываемое Марку Твену

Обстановка накаляется. Причем речь не только о температуре на земном шаре, но и о спорах по поводу глобального потепления. За последние несколько лет вопрос «Действительно ли меняется климат?» перерос в вопрос «Что именно вызывает изменение климата и можно ли на это повлиять?». Даже бывшие скептики сегодня признают – с нашей планетой что-то происходит. Ледники по всему миру тают, гренландский ледяной щит уменьшается с головокружительной скоростью, температура воды в океанах неуклонно растет. Погода удивляет резкими колебаниями: от нескончаемых засух до масштабных затоплений. Согласно отчетам за февраль 2016 года, Аляска пережила вторую теплейшую зиму за всю историю наблюдений – температура превышала средние показатели более чем на 10 градусов по Фаренгейту¹. В мае того же года спутниковые измерения арктического льда выявили, что он растаял до невиданного ранее уровня.

Еще более пугающий вопрос – именно ему посвящен данный роман – таков: «Что будет дальше?» Ответ звучит

¹ То есть порядка 6 градусов по Цельсию.

неожиданно, о нем почти не говорят, тем не менее он основан на конкретных доказательствах и научных данных. Самое поразительное, раньше такое уже происходило. Словом, скептик вы или сторонник – не важно. Предупрежден – значит, вооружен. Пришло время узнать ошеломительную правду о будущем нашей планеты.

И сказал Господь Моисею: скажи Аарону: возьми жезл твой, и прости руку твою на воды Египтян: на реки их, на потоки их, на озера их и на всякое вместилище вод их, – и превратятся в кровь, и будет кровь по всей земле Египетской и в деревянных и в каменных сосудах.

Исход 7:19

Нильзя – это не только река в Египте.

Марк Твен

Весна, 1324 год до нашей эры

Нубийская пустыня, к югу от Египта

Обнаженная верховная жрица преклонила колени и опустилась на песок. Время пришло. Знамения стали более зловещими, определенными. На западе вздымала крылья песчаная буря, окутывала солнце и синее небо серой пыльной тьмой, в которой сверкали молнии.

Враг был близок.

Саба уже закончила приготовления. Она сбрила волосы на всем теле, даже брови над подведенными глазами, затем омылась в водах двух притоков, что текли из сердца пустыни на север и здесь в священном слиянии образовывали могущественную реку. Древние правители *хека-хазесет* называли ее *Нахаль*. Мысленным взором Саба видела, как река

вьется мимо Луксора, Фив и Мемфиса, течет к великому синему морю, лежащему у ее плодородного устья.

Пусть сама жрица никогда там не бывала – она слышала сказания.

О нашем древнем доме, о царстве зеленых лугов и пальм, о жизни, которая подчинена разливам реки Нахаль...

Именно оттуда больше века назад бежал народ Сабы; он спасался от мора, голода и смертей, преследуемый фараоном – ныне давно почившим. Другие племена дельты нашли убежище в пустынях на востоке, завоевали там земли и основали собственные царства. Племя же Сабы осело намного южнее, у реки, неподалеку от селения Джеба в Верхнем Египте, в номе Учес-Хор, известном как Трон бога Хора.

В страшную темную пору народ Сабы сорвался с насиженных мест и пошел вверх по реке за пределы Египетского царства, в Нубийскую пустыню. Племя состояло из ученых и писцов, жрецов и жриц, хранителей великого знания. Они отступили в безлюдные районы Нубии, дабы защитить это знание. Ибо после казней настали беспокойные времена: Египет осадили и покорили чужеземцы с востока, свирепые люди, чьи колесницы были быстрее, а бронзовое оружие – крепче. Эти люди завоевывали ослабленные египетские города едва ли не с первой пущенной стрелы.

Однако темные времена подходили к концу. Египет воскресал, он гнал захватчиков, возводил памятники в честь своих многочисленных побед, расплзался вокруг и

неуклонно шел сюда.

– *Хемет нечер...* – прошептал за спиной Сабы ее нубийский помощник, юноша по имени Табор.

Он либо почувствовал ее тоску, либо просто захотел напомнить Сабе о ее роли *хемет нечер*, рабы Бога.

– Нам пора.

Она поняла и встала с колен.

Глаза Табора были устремлены на запад – юношу определенно тревожила буря. Саба же подметила струйку дыма на севере, возвещавшую падение города близ пятого порога *Нахаль*. Совсем скоро египетские войска доберутся и сюда, к месту великого слияния.

Прежде чем это произойдет, Саба вместе с другими служителями ордена должны спрятать то, что они хранили вот уже более века: чудо, не похожее ни на что иное, – дар Бога, исцеление, скрытое в самом сердце проклятия.

Без малого тысячу дней жрецы наблюдали за тем, как египтяне расползаются вдоль реки, уничтожая города один за другим, – и полным ходом вели приготовления. В основном то были акты очищения, готовящие Сабу и членов ее ордена к участи бессмертных сосудов для хранения Дара.

Сабе позволили пройти перевоплощение последней. Она провела по этому пути уже многих своих братьев и сестер. Как и они, год назад Саба отказалась от проса и зерна. Она жила на орехах, ягодах, древесной коре да чае – его заваривали из смолы, доставляемой с чужбины. Сменились време-

на года, и плоть Сабы усохла до костей, ее груди и ягодицы пожелтели и впали. Вступив лишь в третью свою декаду, теперь Саба постоянно нуждалась в сильной спине и руках Табора – чтобы передвигаться и даже чтобы натягивать через голову льняное одеяние, как сейчас.

Жрица с помощником брели прочь от места слияния, и она наблюдала за тем, как неумолимо катится к ним песчаная буря, как взметает она мутные клубы пыли, как сверкают в них молнии. Саба чуяла силу, растекающуюся по пустыне. Сила наполняла воздух, шевелила волоски на руках. По воле Бога буря поможет укрыть творение жрецов, погребет его под продуваемыми барханами.

Только сначала нужно достичь дальних холмов.

Жрица сосредоточенно переставляла ноги: сперва правую, за ней левую, вновь правую... Саба переживала, что она задержалась у реки слишком надолго. Когда путники добрались до глубокой расщелины между двумя холмами, буря настигла их – завывала над головой, больно оцарапала раскаленным песком незащищенную кожу.

– Скорее, госпожа, – поторопил Табор, почти отрывая ее от земли.

Теперь Саба летела. Большие пальцы ног цепляли песок, выводили на нем неразборчивые письмена – мольбу.

Только б я не подвела...

Жрица с помощником миновали темный дверной проем и по длинному крутому спуску поспешили к великолепному

чуду, изваянному внизу из песчаника. Путь освещали факелы, вокруг плясали тени, и мало-помалу взору открывалось то, что было от него сокрыто; то, что больше семи декад создавали мастера и ученые.

Табор помог Сабе переступить через ряд огромных каменных зубов и преодолеть широкий язык, высеченный с изумительными подробностями. Дальше зал разветвлялся на два тоннеля: один нырял вниз, к каменному желудку; второй, окольцованный небольшими бороздками, вел к просторной пещере – грудной клетке.

Путники выбрали второй путь. Они почти бежали.

Принимая помощь Табора, Саба представляла себе подземный комплекс, вырытый под этими холмами. Он имитировал внутреннее устройство безликого спящего великана, чье тело погребено под землей. Наружности скульптура не имела – кожей ей служил сам мир; зато внутренние элементы человеческого тела были скрупулезно высечены из песчаника: от печени и почек до мочевого пузыря и мозга.

Здесь, под холмами, члены ордена сотворили себе каменного Бога. Его большое тело служило для них домом – и сосудом для того, что надлежало бережно хранить.

Теперь и я должна поступить так же... превратить свое тело в храм для великого Дара.

Табор подвел Сабу туда, где окольцованный бороздками проход вновь разветвлялся на два тоннеля поменьше – точно так же выглядят дыхательные пути и в ее собственной груди.

Помощник повернул влево, пригнул голову жрицы, чтобы та не ударилась о невысокий арочный потолок. Впрочем, путь был недолог.

Свет факелов впереди стал ярче – тоннель вывел в огромный зал. Потолок поддерживали каменные ребра, что высокой дугой уходили вверх и соединялись с могучим позвоночником. В центре зала стояло каменное сердце, высотой в четыре роста Сабы, выполненное с безупречной симметрией. Наружу от него разбегались веером гигантские кровеносные сосуды.

Она посмотрела на горстку коленопреклоненных слуг-нубийцев, ожидавших появления жрицы. Затем перевела взгляд на изогнутые колонны-ребра. Между ними выделялись свежие кирпичи, которые запечатывали входы в скрытые ниши. Каждая ниша служила гробницей братьям и сестрам Сабы – жрецам, опередившим ее на пути в будущее. Она представляла, как они сидят внутри на стульях, прямо или ссутулившись, и их тела медленно завершают превращение, становятся благословенными сосудами.

Я последняя... избранная раба Бога.

Саба обратила взор к каменному сердцу. Дверца в одну из полостей стояла открытой. Самое почетное место.

Саба стряхнула руку Тавора и преодолела последние шаги сама. Затем переступила порог, низко пригнула голову и забралась внутрь. Ее ждал серебряный трон. Сбоку располагалась чаша из лазурита. Вода в ней доходила едва ли не до са-

мых краев, покрытых серебряной отделкой. Саба села, взяла чашу, перенесла ее на свои худые колени.

В проеме возник Табор – слишком расстроенный, чтобы говорить. Однако лицо его читалось легко; оно было полно скорби, надежды и страха. Сходные чувства нарастали сейчас и в груди самой Сабы – вместе с изрядной долей сомнения. Тем не менее она кивнула Табору.

– Да свершится.

Скорбь выиграла битву за его лицо, но юноша кивнул в ответ и удалился.

Вперед выступили остальные слуги и начали закладывать вход высушенными кирпичами из грязи и соломы. Опустилась тьма. В последнем проблеске факела Саба взгляделась в чашу у себя на коленях, в темное мерцание воды. Та была окрашена в густо-красный цвет. Саба знала, что именно она держит. Вода из *Нахаль* – с тех времен, когда реку проклинали и превратили в кровь. Воду набрали давным-давно, и орден хранил ее – вместе с даром, скрытым в ее проклятой глубине.

Установили последний кирпич, и Саба тяжело сглотнула – горло внезапно пересохло. Она слушала, как снаружи поверх кирпичей наносят слой свежей грязи; слушала красно-речивый шорох дерева, укладываемого по кругу у основания сердца.

Саба закрыла глаза. Она знала, что грядет.

Мысленно жрица видела факелы, поджигающие хворост. Вскоре пришло подтверждение – камень под ногами стал

горячим. Воздух внутри сердца, и без того удушливый, быстро раскалялся. Любая влага паром улетала в дымоход – его роль выполняли каменные кровеносные сосуды. Саба вдыхала уже не воздух, а горячий песок. Она ахнула – ступни опалило. Даже серебряный трон теперь обжигал, как бархан в разгар лета.

Однако Саба молчала. К этому времени люди уже должны были оставить подземное царство и заложить за собою вход. Они покинут нубийские земли под покровом бури, исчезнут навсегда, позволят пустыне уничтожить все свидетельства существования этого места.

Саба ждала конца; слезы текли у нее из глаз и высыхали прямо на щеках. Растрескавшиеся губы рыдали от боли, от неизбежности грядущего. Затем в темноте проступило мягкое свечение. Оно исходило от чаши: в багровой воде кружили нежнейшие крохотные искры.

Мираж, порожденный болью?.. Так или иначе, это мерцание даровало силы довести последнее дело до конца. Саба поднесла чашу к губам и жадно ее осушила. Живая вода потекла по опаленному горлу, заполнила сжавшийся в комок желудок.

Когда Саба поставила на колени пустую чашу, жар превратил каменное сердце в геенну огненную. И все же сквозь боль Саба улыбалась. Она думала о том, что хранится внутри нее.

Я – твой сосуд, мой Повелитель... отныне и навеки.

2 марта 1895 года, 21 час 34 минуты по восточному времени
Нью-Йорк

Так-то лучше...

Завидев цель, Сэмюэл Клеменс – больше известный под литературным псевдонимом Марк Твен – повел своего упирающегося спутника через Грамерси-парк. Впереди, на другой стороне улицы, манящий свет газовых фонарей озарял колонны, портик и кованые ограждения клуба «Плэйерс». И Твен, и его друг были членами этого элитарного заведения.

Перспектива веселья, выпивки и доброй компании влекла неумолимо, и Твен пошел быстрее. Он шагал широко и решительно, а следом за ним в свежем ночном воздухе плыло облако сигарного дыма.

– Что скажете, Никола? – бросил Твен своему товарищу. – Мои карманные часы и желудок утверждают, что в «Плэйерс» еще подают ужин. Кроме того, я бы не отказался от капельки бренди под сигару.

Никола Тесла был младше Твена почти на два десятка лет. Изобретатель носил поношенный строгий костюм, лоснящийся на локтях, то и дело отбрасывал с лица темные волосы и стрелял глазами в разные стороны. Когда он волновался, как сейчас, его сербский акцент становился не менее густым, чем его усы.

– Сэмюэл, друг мой, вечер поздний, а нужно еще кое-что закончить в лаборатории. Я признателен за билеты в театр, однако мне пора.

– Вздор. Кто лишь работает, тот скучен.

– Выходит, вы – человек необычайно интересный... с таким-то количеством досуга.

– К вашему сведению, я тружусь над следующей книгой, – сообщил Твен с наигранной обидой.

– Позвольте-ка угадать, – насмешливо протянул Никола. – Гек Финн с Томом Сойером угодили в очередную переделку?

– Ах, если б эти паршивцы и вправду куда-нибудь угодили! – громко хохотнул Твен, обратив на себя внимание прохожего. – Я бы тогда расплатился с кредиторами.

Писатель не афишировал этого, но в прошлом году он передал все свои авторские права на жену Оливию и объявил себя банкротом. Чтобы расплатиться с долгами, в ближайшие двенадцать месяцев ему предстояло объехать с лекциями весь мир.

Однако упоминание о деньгах несколько омрачило настроение друзей. Твен отругал себя за не деликатность, ведь Никола находился в не менее тяжелом финансовом положении. И это – несмотря на свою подлинную гениальность! Тесла обладал энциклопедическими знаниями в разных областях; он был изобретателем, электротехником и физиком в равной мере. В его лаборатории на Пятой авеню Твен провел немало часов и нашел в лице Николы настоящего друга.

– Разве что один стаканчик пропущу, – со вздохом уступил ученый.

Они перешли через дорогу и направились к портику под шипящими газовыми фонарями. Однако не успели приятели достичь входа в клуб, как из тени им навстречу выступил человек.

– Слава богу, – произнес он. – Швейцар предположил, что я смогу застать вас здесь.

Твен сперва отпрянул от неожиданности, затем узнал давнего друга и радостно похлопал его по плечу.

– Рад встрече, Стэнли! Какими судьбами? Я думал, вы в Англии.

– Я приехал лишь вчера.

– Замечательно! Предлагаю поднять за ваше возвращение к нашим берегам стаканчик-другой. Возможно, даже третий.

Твен шагнул к двери, однако Стэнли его остановил:

– Я слышал, вы захожи к Томасу Эдисону...

– Э-э... в определенном смысле, – неохотно подтвердил Твен.

Он отлично знал о глубоких разногласиях между Эдисоном и своим приятелем Николой Теслой.

– Мне необходимо встретиться с изобретателем по срочному вопросу, показать ему кое-что. По поручению Короны.

– В самом деле? Какая волнующая интрига!

– Возможно, я смогу помочь, – вступил Никола.

Твен спохватился и представил Стэнли и Теслу друг другу

по всем правилам, взяв на себя роль потенциальной свахи в этом необыкновенном романе.

– Никола, перед вами Генри Мортон Стэнли – который вскоре станет *сэром* Стэнли, если слухи не врут. Он совершенно справедливо прославился не только как путешественник и исследователь, но и как человек, отыскавший в неизведанных глубинах Африки другого знаменитого исследователя, Дэвида Ливингстона.

– А! – оживился Никола. – Теперь я вспомнил. В частности, ваше приветствие ему: «Доктор Ливингстон, полагаю?» Стэнли застонал.

– Я ничего подобного не говорил!

Твен с улыбкой продолжил:

– А это Никола Тесла, настоящий гений. Он не менее талантлив, чем Эдисон, – наверное, даже более.

Стэнли округлил глаза.

– Разумеется! Как же я вас сразу не узнал?

Бледные щеки Николы чуть порозовели.

– Итак, – спросил Твен, – что же это за безотлагательная миссия, порученная вам британской короной?

Стэнли провел влажной рукой по жидким седым волосам.

– Как вам известно, Ливингстон пропал в Африке, когда он искал истоки Нила. В прошлом и я этим занимался.

– И вы, и множество других британцев. Очевидно, для вас истоки Нила сродни чаше Грааля.

Стэнли насупил, однако отрицать не стал.

Твен предполагал, что упорные поиски англичан вызваны не столько их географическим любопытством, сколько колониальными амбициями Британии в Африке. Впрочем, на этот раз он смолчал – из опасения спугнуть друга раньше, чем тот откроет тайну.

– Так какое же отношение исток Нила имеет к британской короне? – поторопил Твен.

Стэнли придвинулся ближе и извлек из кармана пузырек с темной жидкостью.

– Вот что совсем недавно обнаружили в поместье Дэвида Ливингстона. Один нубийский воин – Ливингстон спас его больного сына – подарил Дэвиду древний талисман: запечатанный воском небольшой сосуд с иероглифами. В моем пузырьке содержится малая толика воды из этого талисмана. Воды из самого Нила, по словам нубийца.

– И что? – пожал плечами Твен.

Стэнли отступил и поднял пузырек к свету газового фонаря. Вода в пузырьке вспыхнула густым красным цветом.

– Если верить бумагам Ливингстона, воде этой не одна тысяча лет. Ее набрали из древнего Нила, когда река обратилась в кровь.

– Обратилась в кровь? – переспросил Никола. – Как в Ветхом Завете?

Твен усмехнулся. Видимо, Стэнли, зная о личной неприязни писателя к организованной религии, решил его разыграть. Сколько раз друзья горячо обсуждали эту тему!

– То есть ты утверждаешь, будто вода в пузырьке родом из библейских рассказов про Моисея? Результат первой из десяти казней, обрушенных Моисеем на египтян?

– Трудно поверить, я знаю. – Выражение лица Стэнли не изменилось.

– Ну, нельзя же...

– Двадцать два члена Королевского общества мертвы. Погибли, когда нубийский талисман распечатали, а его содержимое исследовали в лаборатории.

Воцарилось потрясенное молчание.

– От чего они умерли? – наконец спросил Никола. – От яда?

Стэнли побледнел. И это человек, который без тени страха встречался с самыми грозными зверями, с изнурительной лихорадкой и дикарями-людоедами! Сейчас он выглядел напуганным до смерти.

– Не от яда.

– Отчего же?! – воскликнул Твен.

– От проклятья, – с каменным лицом серьезно ответил Стэнли. – Проклятья из далекого прошлого. – Он стиснул пузырек в кулаке. – Здесь и в самом деле заключен отголосок древнего гнева Господня, обрушившегося на египтян. Однако это станет лишь началом, если мы ничего не предпримем.

– Что же можно предпринять? – спросил Твен.

Стэнли посмотрел на Николу.

– Вы обязаны поехать в Англию.

– Зачем? – удивился Твен.

– Чтобы предотвратить следующую казнь.

Часть первая Мумификация Σ

Глава 1

Наши дни

28 мая, 11 часов 32 минуты по восточноевропейскому времени

Каир, Египет

По нервозности коронера Дерек Рэнкин понял – что-то не так.

– Где тело?

Доктор Бадави чуть кивнул и указал на лифт.

– Прошу за мной.

Идя за коронером, Дерек взглянул на своих спутниц – по силам ли им последние шаги этого скорбного путешествия?

Старшая из двух женщин, Сафия аль-Мааз, была на голову выше младшей, Джейн Маккейб. Они втроем прибыли сегодня утром в Каир из Лондона на частном самолете. Из аэропорта гостей доставили сюда, в городской морг, занимавший несколько неприметных синих зданий в двух шагах от Нила.

Следуя за коронером, Сафия заботливо, по-матерински обнимала двадцатиоднолетнюю Джейн.

Дерек посмотрел на Сафию, спросил ее одними глазами: «Выдержит ли Джейн?»

Сафия со вздохом кивнула. Она была начальницей Дерек-ка, главным хранителем Британского музея. Дерек поступил на работу в музей четыре года назад в должности помощника хранителя. Он специализировался в биоархеологии; в частности, изучал здоровье жителей далекого прошлого. По зубным и скелетным останкам, по образцам ткани Дерек оценивал физическое состояние древних людей, порой даже устанавливал причину их смерти. До музея, во время аспирантуры в Университетском колледже Лондона, он исследовал различные эпидемии, в том числе «черную смерть» – вспышку чумы – в Европе и великий голод в Ирландии.

В настоящее время Дерек занимался в Британском музее мумиями, обнаруженными в районе шестого порога Нила. Эти засушливые земли были изучены мало, но недавно там начали возводить плотину, и археологическое общество Судана запросило помощи у Британского музея: суданцы испугались, что строительство уничтожит археологические со-

кровища региона. В рамках совместного проекта ученые уже сумели спасти бесценные образцы древнего каменного зодчества: например, небольшую нубийскую пирамиду – все ее триста девяносто блоков выкопали и вывезли из пустыни.

Именно этот проект и привел Дерека со спутницами в Каир – проект, который многие считали проклятым, поскольку два года назад в пустыне пропала целая поисковая экспедиция во главе с ведущим научным сотрудником музея. Людей искали не один месяц. В конечном итоге решили, что они убиты: после «арабской весны» ситуация в регионе стала крайне нестабильной. Половину пропавшей экспедиции составляли суданцы, но иностранцам все равно было опасно забредать в столь отдаленные районы, где правили бандиты и мятежники. Предполагали даже теракт, однако ни одна группировка не взяла на себя ответственности за исчезновение ученых, и требований выкупа никто не выдвинул.

Утрата потрясла весь музей. Руководитель исчезнувшей партии, профессор Гарольд Маккейб, был пусть и не слишком любим за несговорчивый характер, зато весьма уважаем в своей области. Собственно, именно его участие в проекте убедило Дерека присоединиться к эпопее по спасению суданских реликвий. В первые годы работы Дерека Маккейб был его учителем и наставником и даже помогал ему получить аспирантскую стипендию.

Поэтому гибель профессора причинила Дереку сильную боль – хотя и не столь сильную, как боль самой младшей

участницы сегодняшнего путешествия.

Дерек посмотрел на нее. Джейн Маккейб шагнула в лифт: руки скрещены, взгляд блуждает где-то далеко. На лбу и над верхней губой дочери профессора блестели мелкие капельки пота. День стоял знойный, и кондиционеры в морге плохо справлялись с высокой температурой. Впрочем, Дерек подозревал, что Джейн вспотела не столько от жары, сколько от волнения и тревоги.

Прежде чем двери лифта закрылись, Сафия взяла Джейн под локоть.

– Лучше подожди здесь. Я сумею опознать твоего отца.

Дерек кивнул и придержал двери.

– Я должна сама. – Взгляд Джейн стал твердым. – Я целых два года ждала ответов – про отца, про брата. Я не буду...

Голос Джейн сорвался, и это вызвало у нее раздражение. Ее старший брат Рори сопровождал отца в экспедиции и пропал вместе со всеми, оставив Джейн одну в целом свете. Ее мать умерла шесть лет назад – проиграла в долгой битве с раком яичников.

Сафия тихонько вздохнула.

Иного ответа Дерек от Джейн и не ожидал. Она очень походила на отца: тоже упрямая, своевольная и по-своему гениальная. Дерек познакомился с ней тогда же, когда и с Гарольдом: ей было всего шестнадцать, но Джейн уже училась в университете по ускоренной программе. В девятнадцать лет она защитила диссертацию по антропологии. Сейчас Джейн

проводила научные исследования в рамках постдокторантуры. Дочь явно решила пойти по стопам отца.

И в конце концов, увы, оказалась здесь...

Лифт поехал вниз. Дерек разглядывал своих спутниц. Обеих роднила страсть к древности, однако до чего же они были разными! Ближневосточное происхождение Сафии давало о себе знать водопадом длинных черных волос и смуглой кожей оттенка кофе с молоком. Оделась Сафия неброско – в темные прямые брюки и светло-голубую блузу с длинным рукавом. Держалась она учтиво и скромно, однако приковывала к себе внимание. Ее изумрудно-зеленые глаза могли, если нужно, сразить любого.

Джейн пошла в отца-шотландца и огненно-рыжие волосы стригла коротко, по-мужски. К несчастью, и характер у нее был не менее огненным. Дерек не раз слышал истории о том, как Джейн запугивала несогласных с ней однокурсников и даже преподавателей. Истинная дочь своего отца, она отличалась от него лишь в одном. За несколько десятков лет, проведенных под солнцем пустыни, кожа Гарольда загорела до черноты и сморщилась; кожа же Джейн сохранила бледность и гладкость – благодаря многолетнему сидению в университетских библиотеках. Выделялась только легкая россыпь веснушек на носу и на щеках, которая делала ее лицо по-девичьи нежным. Многие ошибочно принимали эту нежность за наивность.

Многие, но не Дерек. Он хорошо знал Джейн.

Лифт с толчком остановился, двери разъехались, едко повеяло хлоркой, маскирующей легкий запах разложения. Миниатюрный доктор Бадави, облаченный в белый халат до колен, повел посетителей по подвальному коридору с белеными бетонными стенами и затертым линолеумом на полу. Коронер спешил. Он явно хотел поскорее покончить с этим делом, хотя его беспокоило что-то еще.

В конце коридора Бадави скользнул за плотную полиэтиленовую занавеску. Дерек со спутницами шагнули следом и очутились в маленьком помещении. В центре стоял единственный стол из нержавеющей стали. На нем под крахмальной простыней лежало тело.

Джейн так настойчиво рвалась сюда, но сейчас на пороге она замерла. Сафия осталась с ней, а Дерек следом за коронером подошел к столу. Джейн сзади пробормотала, что с ней всё в порядке.

Бадави нервно оглянулся на гостей, налетел на стальные весы, подвешенные за столом, и шепнул Дереку:

– Наверное, вам лучше посмотреть первым. Здесь не самое подходящее место для женщин.

Джейн услышала коронера и ответила на его завуалированный мужской шовинизм:

– Нет. – Она шагнула вперед, Сафия за ней. – Я должна знать.

По лицу Джейн Дерек прочел больше, чем та сказала. Она искала ответ, который хоть как-то объяснил бы два го-

да неизвестности, два года несбывшихся надежд. Однако в первую очередь Джейн хотела отпустить призрак отца с миром.

– Приступим к делу, – поторопила Сафия.

Бадави чуть склонил голову, откинул верхнюю половину простыни и открыл обнаженный торс покойного.

Дерек ахнул, попятился. Нет! Это не Гарольд Маккейб. Тело на столе выглядело так, словно оно было много столетий погребено в песках. Усохшая кожа плотно облегала череп и ребра. Мало того, она приобрела темно-ореховый цвет с глянцевым блеском, словно ее покрыли лаком. Когда первое потрясение схлынуло, Дерек заметил рыжие с проседью волосы – на макушке, на щеках, на подбородке.

Джейн их тоже узнала.

– Папа... – В ее глазах застыли отчаяние и мука.

Джейн отвернулась, спрятала лицо на груди у Сафии. Та выглядела ненамного лучше. Сафия знала Гарольда куда дольше, чем Дерек.

Он разглядел у нее на лбу недоуменную морщинку, понял причину недоумения и озвучил ее коронеру:

– Я думал, что десять дней назад, когда профессора Маккейба нашли, он был еще жив.

Бадави кивнул.

– На него наткнулась семья кочевников. Он брел по пустыне, еле волоча ноги, в километре от селения Руфаа. – Коронер сочувственно покосился на Джейн. – Кочевники по-

везли туда профессора на телеге, но по дороге он умер.

– Наверное, тут какая-то путаница со временем, – сказала Сафия. – Тело выглядит гораздо старше.

Дерек кивнул – он подумал о том же. Однако его озадачило кое-что еще.

– Вы говорили, что останки профессора Маккейба доставили к вам два дня назад на грузовике и что тело не балъзамировали, лишь заворачивали в полиэтилен. В грузовике был рефрижератор?

– Нет. Здесь, в морге, тело сразу поместили в холодильник.

Дерек посмотрел на Сафию.

– Десять дней в невыносимой жаре – и никаких признаков посмертного разложения. Ни вздутий, ни растрескивания кожи. Тело словно законсервировали.

Единственное заметное повреждение виднелось на животе и груди – разрез в виде заглавной буквы игрек, результат вскрытия. По пути из Лондона Дерек прочел отчет коронера. Причину смерти установить не смогли; наиболее вероятными виновниками назвали перегрев и обезвоживание. Впрочем, такой диагноз не проливал ни малейшего света на историю профессора Маккейба.

Где он был все это время?

– Вы разузнали что-нибудь у семьи кочевников? – Сафию мучил тот же вопрос. – Профессор Маккейб объяснил, где он был до своих скитаний по пустыне? Рассказал о судьбе

сына или остальных?

Отвечая, Бадави не поднимал глаз от пола.

– Ничего внятного. Профессор был слаб, бредил, а люди, которые его нашли, говорили лишь на суданском диалекте арабского.

– Отец прекрасно изъяснялся на многих диалектах арабского, – возразила Джейн.

– Верно, – поддержала ее Сафия. – Если перед смертью он произнес хоть что-нибудь...

– В отчете я этого не написал. – Бадави вздохнул. – По словам одного кочевника, профессор Маккейб утверждал, будто его проглотил великан.

– Проглотил великан? – недоуменно переспросила Сафия.

– Я же говорю, профессор был серьезно обезвожен. Видимо, бредил. – Бадави пожал плечами.

– Больше ничего? – не отступала Сафия.

– Еще одно-единственное слово. Профессор повторял его все время по дороге в селение Руфаа.

– Какое же?

Бадави глянул на девушку рядом с Сафией.

– Джейн.

Дочь Гарольда окаменела.

Пока Сафия утешала Джейн, Дерек улучил момент и осторожно осмотрел тело, щипком проверил эластичность кожи. Та оказалась на удивление толстой и плотной, чуть ли не

твердой. Дерек высвободил из-под простыни костлявую руку профессора, изучил ногти необычного желтого оттенка. Затем обратился к Бадави:

– В вашем отчете сказано, что в желудке покойного обнаружены камешки, одинаковые по форме и по размеру.

– Да. Размером с перепелиное яйцо.

– Еще вы нашли некие кусочки – по вашему мнению, древесной коры.

– Верно. Думаю, голод заставлял профессора есть все, что под руку попадалось, лишь бы притупить голодные боли.

– Или наличие камней и коры объясняется иначе.

– Как? – спросила Сафия, не выпуская Джейн из объятий.

– Чтобы подтвердить мои подозрения, нужны кое-какие исследования. – Дерек отошел от стола. – Биопсия кожи и обязательная токсикологическая экспертиза содержимого желудка. – Дерек мысленно пробежался по всему, что он хотел сделать. – И самое важное: мне нужна томограмма головного мозга профессора.

– Какие у тебя подозрения? – настаивала Сафия.

– Судя по состоянию тела – по древнему внешнему виду, по необычной сохранности останков, – я предполагаю, что профессора Маккейба мумифицировали.

Бадави вздрогнул, расстроенный и оскорбленный одновременно.

– Уверяю вас, после смерти этого человека ни одна живая душа не покушалась на его тело. Никто и не посмел бы.

– Вы меня неправильно поняли, доктор Бадави. Я говорю не о *посмертной* мумификации. – Дерек посмотрел на Сафию. – Я говорю о мумификации *прижизненной*.

16 часов 32 минуты

Прошло четыре часа.

Дерек прильнул к монитору. Окна над ним выходили на кабинет МРТ, где из огромной белой трубы торчал длинный стол.

Из-за бюрократической волокиты перевоз профессора Маккейба в Англию откладывался до завтра, поэтому Дерек решил получить как можно больше материала для исследований, пока разложение не вступило в силу. Он уже взял образцы кожи для биопсии и образцы волос, попросил coronera упаковать и запечатать загадочное содержимое желудка: странные камешки размером с перепелиное яйцо и кусочки непереваренной коры. Еще Бадави добыл для Дерекса разрешение воспользоваться МРТ-оборудованием соседней больницы.

Дерек изучал результаты второго сканирования. На монитор было выведено парасагиттальное изображение головы профессора Маккейба – боковой продольный срез. Магнитное и радиочастотное поля, используемые в аппарате МРТ, четко определили и обозначили свод черепа, кости переносицы, глазницы. Но вот внутри черепной коробки... К удив-

лению Дерек, мозг профессора на снимке представлял собой однородную размытую акварель серого цвета.

– Это изображение даже хуже первого, – произнесла Сафия, заглянув Дереку через плечо.

Тот кивнул. Первое сканирование показало хоть какие-то нюансы поверхности мозга: там просматривался внешний лабиринт извилин и борозд. Однако Дереку не хватило детализации, и он запросил второе сканирование. Увы, этот снимок оказался хуже предыдущего.

– Не знаю, то ли у здешнего аппарата проблемы с калибровкой, то ли посмертное разложение успело разрушить структуру мозга профессора Маккейба.

– Может, сделаем еще одно сканирование?

Дерек покачал головой, глядя на пустой кабинет МРТ. Тело профессора уже вернули в морг.

– Нет, остается уповать лишь на сохранность собранных образцов. Я попросил коронера взять пробу спинномозговой жидкости, а также извлечь головной мозг и поместить его в формалин. В Лондоне проведем полноценное исследование.

– Джейн знает? – Сафия озабоченно свела брови.

– Я получил от нее разрешение, и она уехала в отель.

После опознания отца и заполнения положенных бумаг Джейн выглядела бледнее обычного. Тем не менее Дерек рассказал ей обо всем, что он хотел бы сделать до возвращения в Англию и до похорон. Джейн мужественно согласилась. Она тоже мечтала найти ответы – мечтала, наверное,

еще сильнее, чем Дерек. Правда, наблюдать за взятием образцов Джейн не пожелала – это было слишком даже для нее.

– Значит, пока что мы больше ничего не можем сделать. – Сафия вздохнула.

Дерек потянулся, разминая затекшую спину, и кивнул.

– Я вернусь в морг, все там проконтролирую. А вы бы заглянули к Джейн, узнали, как...

Его прервал телефонный звонок. Трубку поднял единственный лаборант, составлявший компанию гостям, быстро о чем-то переговорил и посмотрел на Дерек.

– Это коронер. Просит вас.

Дерек нахмурился, взял трубку.

– Доктор Рэнкин слушает.

– Приходите скорее, – торопливо выдохнул Бадави, и в его голосе прозвучало отчаяние. – Взгляните сами.

Дерек начал расспрашивать, но не получил никаких пояснений. Бадави лишь настаивал на том, чтобы Дерек поспешил в морг.

– Я с тобой, – решила Сафия.

Они покинули больницу и пошли к моргу, расположенному в двух кварталах. После долгого пребывания в помещении солнце слепило глаза. Жара стояла невыносимая, воздух обжигал легкие.

Сафия легко шагала рядом с Дереком по людным улицам, не обращая внимания на палящий зной.

– Ты предположил, будто с Гарольдом что-то сделали. Ка-

кие-то манипуляции, вызвавшие непонятное состояние его тела. Что значит – его мумифицировали прижизненно?

Дерек предпочел бы избежать этих расспросов. Он уже и так отругал себя за то, что необдуманно проговорился. Его слова только добавили Джейн тревог. Зря он поднял тему, ведь ничего еще неясно.

– Это лишь догадка, причем сделанная наобум. – Лицо Дерекы пылало не только от зноя. – Я озвучил ее преждевременно. Очень неосмотрительно с моей стороны.

– Ничего. Расскажи, что ты имел в виду.

Он вздохнул:

– Это называется самомумификация. Человек сознательно готовит свое тело к тому, чтобы после смерти его плоть сохранилась. Подобные практики встречаются в основном у монахов Дальнего Востока, особенно в Японии и Китае. Однако такой ритуал наблюдали и в некоторых культах Индии, и в аскетических сектах Ближнего Востока.

– Зачем? Это способ самоубийства?

– Наоборот. Духовное действо, путь к бессмертию. Другие члены секты боготворят останки тех, кто прошел через подобное перерождение. Считается, что мумифицированные тела становятся чудодейственными сосудами, способными даровать своим почитателям особую силу.

Сафия насмешливо хмыкнула.

– Речь не только о невежественных культах. – Дерек пожал плечами. – Даже католики верят в то, что нетленность

останков доказывает святость.

Сафия посмотрела на него недоверчиво.

– Если это правда, то как же люди себя мумифицируют?

– В разных культурах по-разному, но есть и кое-что общее. Во-первых, процесс долгий, его растягивают на годы. Сперва изменяют диету. Человек отказывается от злаков, ест орехи, сосновую хвою, ягоды и обогащенную смолой древесную кору. Собственно, древние японские практики самомумификации, известные как *сокушинбутсу* – или Будды во плоти, – называли свою диету *мокуйикуо*, или «древоедение».

– Значит, на эти мысли тебя навела кора в желудке у Гарольда?

– Да. Кора и камешки. Рентген мумий *сокушинбутсу* тоже показал наличие у них внутри речных камней.

– Почему же тела не разлагаются после смерти?

– Некоторые травы, яды и смолы обладают противомикробными свойствами. При регулярном потреблении такие вещества проникают в ткани тела и препятствуют росту бактерий после смерти. Так сказать, природный бальзамирующий состав.

Сафию передернуло.

– На завершающей стадии человека помещают в гробницу, где есть лишь одно маленькое отверстие для воздуха. В Японии монахи, проходящие через самомумификацию, ежедневно звонили из своей гробницы в колокольчик, пока не

умирали. Тогда снаружи ее запечатывали и ждали три года. Потом открывали и проверяли, удалось ли монаху задуманное.

– Проверяли, не сгнило ли тело?

Дерек кивнул.

– Если процедура удавалась, то тело окуривали ладаном – это обеспечивало дополнительную консервацию.

– И ты думаешь, Гарольд?..

– Либо сам, либо его заставили такое с собой проделать похитители. В любом случае ритуал завершен не был. По моим оценкам, перерождение Гарольда началось лишь два-три месяца назад.

– Если ты прав, мы, возможно, поймем, кто похитил экспедицию.

– И тогда не исключено, что остальные живы. Их, вероятно, держат в плену и подвергают тому же медленному ритуалу. В том числе и Рори, брата Джейн. Если мы быстро их отыщем, то есть шанс вовремя оказать им помощь и спасти.

Сафия помолчала, затем спросила:

– Ты сумеешь определить вид коры – или дерева, с которого ее взяли? Вдруг так мы установим, где держат остальных?

– Об этом я не подумал... Да, попробую.

Они как раз подошли к моргу, к главному входу. Внутри воздух показался им чуть ли не морозным. Женщина в зеленом медицинском костюме узнала посетителей и поспешила

через вестибюль им навстречу.

– Доктор Бадави попросил меня провести вас прямо к нему. – Она кивнула Дереку, затем Сафии.

В ее глазах застыл страх. Возможно, она боялась своего начальника, но Дерек подозревал, что дело в другом. Он то-ропливо зашагал следом, теряясь в догадках.

Женщина провела Дерек с Сафией вниз по лестнице в другую часть морга ипустила их в обзорное помещение, большое окно которого выходило в лабораторию патологической анатомии. Там посреди комнаты стоял стол из нержавеющей стали, над ним висела галогеновая лампа. Морг и соседняя больница служили обучающей базой для медицинского факультета Каирского университета. Из обзорного помещения студенты обычно наблюдали за настоящими вскрытиями.

Впрочем, сейчас единственными зрителями были Дерек, Сафия и их провожатая. В лаборатории вокруг стола собралась группа людей – все в медицинских костюмах, у всех лица скрыты за бумажными масками. Бадави заметил новоприбывших и поднес к невидимым губам беспроводной микрофон. Голос коронера прозвучал из небольшого громкоговорителя над окном.

– Я не понимаю, что мы обнаружили. Прежде чем я продолжу извлечение мозга, прошу вас самих посмотреть. Еще я взял на себя смелость записывать происходящее на видео.

– Что именно вы обнаружили? – взволнованно спросил

Дерек.

Провожатая указала на переговорное устройство возле окна. Он подошел, повторил вопрос.

Бадави жестом велел своим людям отойти от стола. В ярком галогеновом свете зрителям предстало тело шестидесятилетнего археолога – полностью обнаженное, лишь пах был стыдливо прикрыт куском ткани. Еще одно хирургическое полотенце лежало на макушке. Стол развернули так, чтобы голова покойного смотрела на обзорное окно.

– Мы по вашей просьбе уже взяли образец спинномозговой жидкости, – пояснил Бадави. – Далее приступили к вскрытию черепной коробки, чтобы извлечь мозг.

Коронер убрал полотенце с головы. Кожа на макушке была подрезана и отогнута, в черепе выпилено круглое отверстие. Бадави снял верхнюю, отпиленную часть – мозг осматривательно прикрыли после того, как обеспечили к нему доступ.

Дерек покосился на Сафию – выдержит ли? Она стояла в напряженной позе, не шевелясь и прижав стиснутые кулаки к животу, но смотрела.

Бадави отложил отпиленную часть и отступил. Выставленные на всеобщее обозрение, в свете ламп блеснули два серовато-розовых полушария с извилинами мозговой оболочки.

Непостижимо... Вот он, источник гениальности профессора Маккейба, открыт для всех желающих. Дерек хорошо

помнил, как они с наставником вели долгие разговоры до глубокой ночи: о чем угодно – от последних научных статей до шансов футбольных команд на чемпионате мира. Смех профессора напоминал рев раненого медведя, да и характер был под стать. Вместе с тем Гарольд Маккейб имел добрейшую душу, а жену и двоих детей любил безоглядно.

Теперь все это исчезло...

Голос Бадави из маленького громкоговорителя вернул Дерек в реальность. Первые слова коронера Дерек прослушал.

– ...увидели. Только потому мы и смогли заметить это необычное явление.

Какое явление?

Бадави подал знак сотруднику. Тот погасил хирургическую лампу и выключил верхнее освещение в лаборатории. Дерек несколько раз моргнул, не веря своим глазам.

Рядом потрясенно ахнула Сафия.

Изнутри развороченного черепа наставника шло мягкое сияние – мозг излучал розоватое свечение, напоминающее первые проблески рассвета.

– Раньше было ярче, – отметил Бадави. – Свечение тускнеет.

– Чем оно вызвано? – Сафия сорвала вопрос у Дерекса губ.

Он лихорадочно соображал, вспоминая недавний разговор с Сафией. Одной из целей самомумификации было создание нетленного сосуда, бессмертного вместилища для

некоего чудесного дара.

Неужели я вижу именно это?

– Больше никаких анализов. – Сафия повернулась к Дереку. – Тело герметично упаковать. Немедленно подготовиться к транспортировке в Лондон.

Дерек удивленно заморгал, озадаченный резкостью начальницы.

– Но останки профессора Маккейба можно будет вывезти только завтра.

– Я задействую кое-какие рычаги, – заверила она.

– Послушайте, – предупредил Дерек, – я ничего подобного в жизни не видел! Мне понадобится помощь.

– Я знаю, к кому обратиться. – Сафия шагнула к выходу.

– К кому?

– К старому другу, который задолжал мне услугу.

Глава 2

30 мая, 11 часов 45 минут по восточному летнему времени

Вашингтон, округ Колумбия

Пейнтер Кроу сидел за столом и не мог оторвать глаз от миража из прошлого.

На экране компьютера была Сафия аль-Мааз. Последний раз они виделись лет десять назад в аравийской пустыне Руб-эль-Хали – бескрайней и выжженной солнцем. На Пейнтера нахлынули бывшие чувства, особенно когда Сафия улыбнулась. Глаза ее сияли, она тоже была ему рада.

Пейнтер познакомился с Сафией, будучи полевым агентом отряда «Сигма» – давным-давно, когда подразделение еще только создали². Тогда им руководил наставник Пейнтера, Шон Макнайт. Засекреченный отряд действовал под эгидой УППОНИР³ и состоял из бывших бойцов спецназа, которые прошли дополнительную подготовку по самым разным научным дисциплинам.

Теперь, десять лет спустя, «Сигму» возглавлял уже сам Пейнтер. Впрочем, в его жизни произошли и другие изме-

² Об этом рассказывается в романе Дж. Роллинса «Песчаный дьявол».

³ Управление планирования перспективных оборонных научно-исследовательских работ.

нения.

– Это что-то новенькое. – Сафия откинула назад темный локон, задержала пальцы над ухом и вопросительно посмотрела на старого друга.

Пейнтер коснулся своей головы в том же месте, пригладил снежно-белую прядь. Седина служила напоминанием о трагических событиях недавнего прошлого. Ярко выделяясь на фоне черных волос, она напоминала заправленное за ухо белое перо и подчеркивала происхождение Пейнтера – его отец был индейцем-пекотом.

– Не только это. – Кроу приподнял бровь. – Есть еще новенькие морщины.

Он опустил руку, но Сафия успела заметить и другую перемену.

– Неужели у тебя кольцо?

– Ну, что сказать? – Пейнтер с усмешкой покрутил золотой ободок на пальце. – Наконец-то нашлась женщина, которая дала согласие выйти за меня замуж.

– Ей повезло.

– Нет, это мне повезло. – Он перевел разговор на Сафию. – Как поживает Омаха?

При упоминании мужа она вздохнула и сердито закатила глаза. И как только доктору Омахе Данну, американскому археологу, удалось завоевать любовь этой великолепной женщины?

– Они с братом Денни на раскопках в Индии. Торчат там

уже целый месяц. Я пробовала дозвониться до Омахи, но он, как обычно, засел в такой дыре, где толком нет связи.

– И тогда ты позвонила мне. – Пейнтер притворился уязвленным. – Я для тебя запасной вариант.

– В этот раз – нет. – Покончив с дружескими шутками, Сафия посерьезнела, лицо ее омрачила тревога. – Мне нужна твоя помощь.

– Конечно, я готов. Что произошло?

Она опустила глаза, видимо думая, с чего начать.

– Не знаю, слышал ли ты о проекте по спасению археологических ценностей, который курировал Британский музей. Речь о Северном Судане.

Пейнтер потер подбородок. Вроде бы что-то знакомое...

– Там было какое-то несчастье, да?

Сафия кивнула.

– Да. Одна из первых наших поисковых экспедиций пропала в пустыне.

Теперь он вспомнил донесение разведки.

– Кажется, путь экспедиции пересекся с бунтовщиками и ее постиг печальный конец?

– Так мы тогда думали. – Она нахмурилась. – А десять дней назад вдруг объявился руководитель экспедиции, профессор Гарольд Маккейб. Прибрел откуда-то из глубины пустыни – и умер, не доехав до больницы. Местные сумели идентифицировать его по отпечаткам пальцев только через неделю. Два дня назад я вернулась из Египта. Гарольд был

моим другом, и я хотела сопроводить его тело в Лондон.

– Соболезную.

Сафия опустила голову.

– Я полетела в Египет еще и в надежде найти подсказку о судьбе остальных членов экспедиции, в том числе и сына Гарольда.

– Нашла?

– Нет. – Сафия вздохнула. – Наоборот, все стало еще запутанней. Тело Гарольда оказалось в странном состоянии. Музейный эксперт, который летал со мной в Египет, предполагает, что Гарольда подвергли ритуалу самомумификации. Это чтобы тело после смерти не разлагалось.

Какой ужас! Пейнтер мрачно свел брови. В голове роилась тысяча вопросов, но перебивать Сафию он не стал.

– Мы взяли образцы тканей. Уже заканчиваем исследования. Надеемся установить растения и травы, использованные в ритуале, и таким образом вычислить, откуда пришел Гарольд, где он все это время был.

Умно.

– Однако при вскрытии кое-что поставило нас в тупик. Странная трансформация тканей мозга и центральной нервной системы.

– Что значит «странная»?

– Лучше взгляни сам. – Сафия пощелкала кнопками клавиатуры. – Отправляю тебе видео. Снято работником каирского морга примерно сорок восемь часов назад.

Пейнтер открыл файл, едва тот загрузился. На экране возникли люди, суесящиеся вокруг металлического стола. Звук отсутствовал. Пейнтер внимательно смотрел немое кино. Людей вдруг что-то взволновало. Какой-то человек – видимо, коронер – заставил всех расступиться и жестом подзывал кинооператора. Изображение задрожало, потом замерло на теле под простынями. Верхушка черепа была спилена, открывая мозг. Внезапно в комнате потемнело, и причина переполоха стала тут же очевидна.

Пейнтер прищурился.

– Я ничего не путаю? Череп светится изнутри?

– Да, так и есть, – подтвердила Сафия. – Я сама это видела. Хотя, когда я прибыла в лабораторию, свечение уже потускнело.

– Вы выяснили, что вызвало такой эффект? – Видео закончилось, и Пейнтер вновь посмотрел на собеседницу.

– Пока нет. Ткани и жидкости еще исследуют. Мы предполагаем, что Гарольд – намеренно или случайно – подвергся воздействию какого-то биологического или химического вещества. Что бы это ни было, теперь выяснить источник крайне важно.

– Почему?

– По двум причинам. Во-первых, сегодня утром я позвонила в Каир доктору Бадави. Он до сих пор не переслал в нашу лабораторию обещанные отчеты, и я хотела его поторопить. Оказалось, и сам коронер, и вся его команда больны.

Высокая температура, рвота, мышечный тремор.

– Прошло лишь сорок восемь часов, а людям уже так плохо? – Пейнтер припомнил сроки, названные Сафией.

– Первый симптом – сильный жар – возник через восемь часов после того, как сотрудники морга вскрыли череп Гарольда. Сейчас тот же симптом проявился у членов их семей. Карантин уже установили, но мы не знаем точное количество людей, контактировавших с зараженными.

В Каире Кроу бывал. Он понимал, что закрыть этот многолюдный суматошный город будет трудно, особенно в случае паники.

Пейнтера вдруг пронзила страшная мысль.

– Сафия, как ты себя чувствуешь?

– Хорошо. Когда производили вскрытие, меня в лаборатории не было. Как только увидела это странное свечение, я велела герметично запечатать останки Гарольда и взятые образцы.

– А в Лондоне?

Она помрачнела.

– Мы приняли меры предосторожности, но, увы, допустили кое-какие промахи, поскольку тогда еще не осознали масштаба угрозы. Таможенники в Хитроу сообщили, что печать на контейнере с останками была повреждена – то ли еще в Каире, то ли в перелете.

Внутри у Пейнтера все сжалось. И Хитроу, и аэропорт Каира представляли собой крупные пересадочные узлы. Отту-

да болезнь могла распространиться куда угодно и вызвать мировую пандемию.

Судя по страху в глазах Сафии, она опасалась того же.

– У двух наших лаборантов, отвечавших за хранение тела Гарольда, возникли ранние симптомы. Лаборантов изолировали. Всех, с кем они контактировали, – тоже. Вдобавок медицинские учреждения в Лондоне и Каире опрашивают работников багажной службы и персонал аэропортов на предмет любых признаков болезни. Жду результатов опроса. Правда, из-за бюрократической волокиты я, наверное, узнаю обо всем последней.

– Попробую выяснить новости по своим каналам.

В голове уже зрел план действий. Недавно Пейнтер читал отчет об оценке рисков, составленный Массачусетским технологическим институтом. Там говорилось о роли аэропортов в распространении болезней. В качестве страшного примера отчет приводил пандемию гриппа H1N1, которая в две тысячи девятом году унесла триста тысяч жизней.

– Я... я была недостаточно осторожна. – Сафия нахмурилась.

– Ты сделала что смогла, – поспешил успокоить ее Пейнтер. – Да и вообще, если б ты не отдала предусмотрительное распоряжение немедленно все опечатать, зараженных могло бы быть гораздо больше.

Она едва заметно покачала головой, словно отвергая его поддержку.

– Тогда я действовала лишь по наитию... Но потом события начали развиваться, и у меня вдруг возникло подозрение, *зачем* Гарольда подвергли мумификации.

Подозрениям Сафии Пейнтер научился доверять давно. Они бывали потрясающе точными.

– Зачем же?

– Чтобы защитить содержимое его головы. Думаю, мумификация должна была превратить Гарольда в контейнер для того неизвестного вещества. Сохранить тело, особенно после смерти. Сделать из него нетленный сосуд для того, что в нем спрятано.

Сосуд, который вскрыли не подумав.

Пейнтер вдруг кое-что вспомнил.

– Ты говорила, что переживаешь по *двум* причинам. Какова же вторая?

Сафия взглянула на него.

– Полагаю, подобное уже случалось.

***17 часов 02 минуты по британскому летнему времени
Лондон, Англия***

Сафия дала Пейнтеру время осмыслить услышанное, затем продолжила:

– Узнав о возвращении Гарольда, я подняла все его записи и работы, даже рукописные дневники, которые хранились в музее. Я хотела отыскать в них какую-нибудь подсказку, объ-

яснение. Почему Гарольд исчез, а потом внезапно всплыл? Вдруг мы раньше что-нибудь пропустили?

– Отыскала?

– Возможно... Теперь, задним числом, мне это кажется важным.

– Что именно?

– Для начала поясню тебе кое-что о Гарольде. Он был фигурой колоссальной – и для нашего музея, и для академических кругов в целом. Как археолог, Гарольд обожал оспаривать догмы, особенно в египтологии. Он вызывал ненависть и восхищение в равной степени – за свои сумасбродные гипотезы, за горячность, с которой их отстаивал. Всегда с готовностью выслушивал противоположное мнение, но разбивал в пух и прах любого коллегу, которого подозревал в косности.

Сафия вспомнила эти ожесточенные дебаты, и на губах ее заиграла улыбка. С Гарольдом мало кто мог дискутировать на равных. Разве что его сын, Рори, – вот он смело скрешивал с отцом шпаги. Взгляды Гарольда и Рори часто не совпадали, и они пикировались до глубокой ночи по какому-нибудь историческому или научному поводу. Гарольд краснел как рак, спорил – и не скрывал гордости за сына.

Горе вновь придавило Сафию тяжелым грузом, улыбка увяла.

Потерять обоих...

Стряхнув с себя печаль, она решительно выпрямила спи-

ну. Если Рори жив, его надо отыскать. Ради Гарольда. И ради Джейн, которая целых два года упорно не желала мириться с тем, что отец и брат мертвы. Она и училась-то, наверное, так прилежно и так неутомимо именно потому, что хотела их найти.

Пейнтер вернул Сафию к насущному вопросу.

– При чем же здесь эксцентричность профессора Маккейба?

– Да, так вот. – Женщина встряхнулась. – Один аспект египтологии особенно интересовал Гарольда. На этой почве он сталкивался лбами со многими коллегами. Библейское предание об Исходе.

– Исход? Где Моисей вывел евреев из Египта?

Сафия кивнула.

– Большинство археологов считают это предание не более чем мифом – аллегорией, а не историческим событием.

– Профессор Маккейб в большинство не входил?

– Нет. Он был уверен, что в Библии описано настоящее событие, пусть и приукрашенное за минувшие тысячелетия. – На столе у Сафии лежали полевые дневники Гарольда, полные размышлений, гипотез и обрывочных доказательств, часто весьма загадочных. – Думаю, Гарольд возглавил экспедицию в Судан в том числе и потому, что мечтал найти подтверждение своих теорий.

– Но почему Судан?

– Археологи-библейсты искали доказательства к *востоку*

от Египта, на Синайском полуострове, Гарольд же смотрел на юг. Он предполагал, что небольшая группа рабов-евреев бежала в том направлении, вдоль Нила.

– Что именно искал профессор?

– Любые свидетельства болезни, мора. В частности, в мумиях, вывезенных из тех отдаленных районов Нила. Даже нанял специально для этой цели доктора Дерек Рэнкина – биоархеолога, специалиста по древним эпидемиям.

– И вот после двухлетнего отсутствия профессор Маккейб, полуживой, выходит из пустыни, неся в себе загадочную болезнь, и одновременно он – жертва какого-то дикого ритуала самомумификации. Есть какие-нибудь соображения?

– Пока никаких.

– Ты ведь говорила, что такое уже происходило в прошлом. Ты имела в виду казни египетские?

– Нет. – Сафия открыла дневник Гарольда на странице, помеченной клейкой закладкой. – Гарольд собирал любые сведения, которые указывали бы на наличие болезни или инфекции в тех местах. В наших музейных архивах он наткнулся на информацию про известных исследователей, Стэнли и Ливингстона. Оба они независимо друг от друга разыскивали источник Нила и углублялись в Судан и дальше.

– Если я правильно помню уроки истории, то Ливингстон пропал в джунглях и его сочли погибшим.

– А через шесть лет его, больного и истощенного, нашел

Стэнли – в маленькой африканской деревушке на берегу озера Танганьика.

– Как это связано с экспедицией профессора Маккейба?

– Гарольд заикнулся на Ливингстоне со Стэнли. Причем не столько на их знаменитой встрече в Африке, сколько на дальнейшей жизни путешественников.

– Почему? Что они такого сделали?

– Ливингстон оставался в Африке до самой смерти в тысяча восемьсот семьдесят третьем году. Большой интерес Гарольда вызвал тот факт, что туземцы, друзья Ливингстона, выдали его тело британским властям в мумифицированном виде.

– Его мумифицировали?

Сафия многозначительно кивнула.

– Он похоронен в Вестминстерском аббатстве.

– А Стэнли?

– Стэнли в конце концов вернулся в Британию, взял в жены валлийку и стал членом Палаты общин. Именно этот отрезок его жизни интересовал Гарольда больше всего.

– Почему?

– Понимаешь, слава Стэнли навсегда переплелась со славой Ливингстона. Во время своих путешествий тот собрал множество экспонатов. После его смерти большинство из них передали сюда, в Британский музей. Однако кое-какие вещи, имевшие для исследователя личное значение, остались в поместье и перешли к музею только в конце девятна-

дцатого века. Описание одного из этих последних экспонатов и привлекло внимание Гарольда.

– Что за экспонат?

– Талисман, подаренный Ливингстону местным жителем в благодарность за спасение сына. Емкость была запечатана и покрыта египетскими иероглифами. По словам туземца, в ней хранилась вода из Нила – ее набрали, когда река обратилась в кровь.

– В кровь? – скептически повторил Пейнтер. – То есть во времена Моисея?

Сафия понимала его недоверие. Она сама реагировала так же.

– Возможно, это просто небылица. Ливингстон был известным христианским миссионером, в Африке он проповедовал везде, где только мог. Не исключено, что туземец сочинил библейскую историю про талисман, дабы угодить своему христианскому другу. Тем не менее иероглифы оказались подлинными, и Гарольд не сомневался в египетском происхождении талисмана.

– Но почему это показалось важным *тебе*? Как талисман связан с нынешними событиями?

– Помимо рисунка, обнаруженного в личных бумагах Ливингстона, талисман упоминается еще лишь раз. По крайней мере, Гарольд ничего больше не раскопал. В этом упоминании говорится о некоем проклятии.

– Проклятии?

– После упадка поместья, когда последние экспонаты попали в музей, талисман вскрыли и исследовали. Через несколько дней все, кто в этом участвовал, заболели и умерли от... – Сафия зачитала выписанный Гарольдом скупой отчет о трагическом событии: – «...от сильнейшей лихорадки, сопровождавшейся жестокими судорогами».

Она отложила дневник и увидела на лице Пейнтера озабоченное выражение.

– Те же симптомы, что и у больных в Каире! – воскликнул он. – А дальше?

– Неизвестно. Гарольд попробовал выяснить, но ничего не нашел. Хотя во время вспышки умерли двадцать два человека, о ней больше нет никаких сведений.

– Это подозрительно даже для отчетности девятнадцатого века. словно все записи о трагедии уничтожили...

– Вот и Гарольд решил так же. Он, правда, в конечном итоге выяснил, что ученые обращались по поводу проклятия к Стэнли. Его доставили в Королевское общество и расспросили.

– При чем тут Стэнли?

– Похоже, они с Ливингстоном поддерживали связь до самой смерти последнего.

– Смерти, которая произошла в Африке. – Лоб Пейнтера прорезала морщина. – Где Ливингстона тоже мумифицировали.

Сафия приподняла одну бровь.

– Или порядок событий был другим.

– Ты о чем?

– Вдруг Ливингстона подвергли мумификации еще до смерти, как Гарольда? – Она пожала плечами. – В бумагах сказано лишь о том, что тело исследователя прибыло в Англию мумифицированным. Естественно, все решили, будто процедуру выполнили посмертно.

– Любопытная мысль... Но даже если ты права, куда нас это приведет?

– Надеюсь, к пропавшей экспедиции. Вероятно, Гарольд что-то обнаружил – либо в музее, либо уже на месте – и приблизился к источнику этой болезни. Понятия не имею, что произошло дальше, но думаю, источник подскажет, где искать наших людей.

– А еще источник болезни важно прояснить для борьбы с эпидемией. Если она и вправду вспыхнет. – Пейнтер внимательно посмотрел на Сафию. – Чем я могу помочь?

– Я буду рада любой помощи, – честно ответила та; ей было по-настоящему страшно. – Назови это очередным предчувствием, но, по-моему, мы видим лишь верхушку гигантского айсберга.

– Я склонен с тобой согласиться.

– Еще я боюсь упустить время. Гарольда нашли почти две недели назад...

– Значит, его след в пустыне уже основательно остыл, – понимающе кивнул Пейнтер.

– Я поручила Джейн, дочери Гарольда, перетрясти все личные бумаги отца, поискать любые зацепки. Тем временем медики попробуют изолировать больных.

– Хорошо. Я могу прислать тебе в помощь людей. Еще нужно отправить кого-нибудь в Судан – выяснить, откуда пришел Гарольд.

Сафия чуть ли не воочию видела, как вертятся шестеренки в голове у давнего друга. Не успели Пейнтер и Сафия согласовать дальнейшие планы, как двери ее кабинета открылись.

Разве я их не заперла?..

Она удивленно развернула стул к дверям – и расслабилась, увидев младшего хранителя, студентку постдокторантуры Кэрол Венцель.

– Что вы хо...

За девушкой кто-то мелькнул, оттолкнул ее, влетел в кабинет и наставил пистолет на Сафию.

Она вскинула руку, но поздно.

Дуло дважды полыхнуло. Грудь взорвалась болью. Сафия, хватая ртом воздух, повернулась к компьютеру, увидела испуганного Пейнтера, протянула к нему руку, словно он мог помочь...

Сзади грохнуло. Мимо уха просвистела пуля, монитор треснул. Изображение Пейнтера погасло, а через мгновение погас и весь мир.

Глава 3

30 мая, 18 часов 24 минуты по британскому летнему времени

Ашвелл, Хартфордшир, Англия

Джейн Маккейб отбивалась от призраков, населявших ее чердак. В собственном семейном гнезде она чувствовала себя злоумышленницей. На тесном, заросшем паутиной чердаке, куда бы Джейн ни глянула, все напоминало об ушедших. Старый, изъеденный червями платяной шкаф до сих пор хранил мамину одежду. В углу валялся давно забытый спортивный инвентарь Рори: пыльная крикетная бита, наполовину спущенный футбольный мяч, даже школьная фуфайка для регби.

Однако один фантом затмевал всех: тень, которая не отпускала их ни при своей жизни, ни теперь, после смерти. Здесь властвовал отец. Повсюду громоздились старые коробки с бумагами, горы книг, полевые дневники.

По просьбе доктора аль-Мааз Джейн уже перешерстила те коробки, что были почище, — с материалами двух-трехлетней давности. Она спустила бумаги на кухню и вручила их Дереку Рэнкину; теперь тот просматривал содержимое в поисках каких-нибудь подсказок о судьбе отца и брата Джейн. Задача выглядела бесперспективной, но все лучше,

чем сидеть в одиночестве и думать о бесповоротности папиной смерти и о загадочных изменениях в его теле.

Джейн размяла спину и сквозь чердачное окошко посмотрела на деревню Ашвелл. Картина была идиллическая: каменные средневековые коттеджи; дома, крытые соломой; беленые стены с деревянными балками; прямоугольная башня приходской церкви XIV века. Оттуда долетала музыка: в Ашвелле уже десять дней шел ежегодный музыкальный фестиваль. Впрочем, сегодня он заканчивался – грандиозным торжеством под названием Хоральный вечер; его устраивали в церкви Богоматери.

Джейн залюбовалась старинной колокольной – зубчатыми выступами по бокам, тяжелым шпилем, взмывающим в небо. Однажды отец взял девятилетнюю Джейн с собой в церковь и показал ей средневековые надписи, высеченные на стенах. Слова на латыни и на среднеанглийском кричали об ужасах «черной смерти», которая накрыла деревню в XIV веке. Ребенком Джейн скопировала несколько надписей. Она прикладывала к ним бумагу, натирала ее углем – и ощущала странное родство с давно умершими писцами. Наверное, именно тогда в душе девочки проросли семена, которые в будущем вдохновили ее пойти по стопам отца и выбрать профессию археолога.

Джейн отвернулась от окна, от веселых звуков фестиваля и обвела взглядом чердак, где витал дух отца. В памяти всплыла одна из церковных надписей. Она была высечена на

колонне и не имела отношения к чуме, зато очень подходила к настоящему моменту.

– *Superbia precipit fallum*, – произнесла девушка, ясно представив латинские слова на камне.

Гордыня предшествует падению.

Хотя Джейн любила отца, она хорошо сознавала его недостатки. Он ни в какую не желал менять своих убеждений и был не свободен от греха гордыни. Наверняка в пустыню отца погнала не только жажда знаний, но и заносчивость. Коллеги часто высмеивали и осуждали его необычную веру в истинность библейского Исхода. Отец не сдавал позиций, везде и всюду вел себя уверенно и самонадеянно, и все же эти насмешки не давали ему покоя. Он мечтал доказать правильность своей теории – как из любви к истории, так и из гордости.

Видишь, к чему это тебя привело... Тебя и Рори...

Джейн сжала кулаки. На миг ее затопил гнев, который поглотил печаль. Однако еще глубже гнева и печали лежало другое чувство, снедавшее душу два последних года. Чувство вины. Потому-то Джейн так редко навещала семейный дом. Он стоял пустым, спрятав мебель под покрывалами. Хотя дорога на поезде из Ашвелла в Лондон занимала меньше часа, Джейн предпочитала снимать квартиру-студию в центре столицы. Себе она объясняла это удобным расположением квартиры – близко к университету; но правда крылась в другом. Возвращаться сюда было слишком больно. В

Ашвелл Джейн приезжала только по необходимости. Вот как сегодня, по просьбе доктора аль-Мааз.

– Кажется, я кое-что нашел! – долетело снизу.

Джейн шагнула в светлое пятно чердачного люка, убрала за собой приставную лестницу, миновала закрытые спальни и сбежала вниз.

В кухне Дерек раздвинул шторы, и после чердачного полумрака Джейн невольно зажмурилась от солнечного света, который показался ей неуместно радостным.

Дерек сидел за кухонным столом в окружении чердачных коробок. На столе высились стопки книг и дневников, лежали разрозненные бумаги. Молодой человек скинул пиджак и закатал рукава рубашки.

Дерек Рэнкин был старше Джейн на шесть лет. Отец взял его под свое крыло, наставлял и учил в университете и в конце концов заманил многообещающего юношу в музейный проект. Дерек, как и многие другие, не сумел устоять перед притягательной силой профессора Маккейба. В результате он проводил в доме Маккейбов немало времени – трудился вместе с отцом в рабочем кабинете и часто ночевал там же на диване.

Джейн не возражала против гостя, особенно когда заболела мама. С ним было легко, можно было выговориться, когда другие слушатели отсутствовали. К сожалению, Рори взглядов сестры не разделял. Его возмущали частые визиты молодого папиного протеже – Рори чувствовал в Дерекe соперни-

ка: отец не только дарил ему свое внимание, но еще и хвалил.

Сейчас Дерек корпел над какой-то книгой в кожаном переплете. Судя по состоянию кожи, этот том был гораздо старше записей отца. Подойдя ближе, Джейн заметила на лице Дерек темную однодневную щетину. Ни он, ни Джейн после Египта толком не спали.

– Что ты нашел?

Дерек поднял голову и улыбнулся. Улыбка осветила его загорелое лицо, подчеркнула морщинки-лучики у глаз и носогубные складки. Он взвесил в руке солидный том.

– Думаю, твой отец умыкнул это из библиотеки в Глазго.

– Глазго? – Джейн нахмурилась.

А ведь отец и вправду несколько раз съездил в Шотландию, после чего переключился на Судан.

– Смотри.

Дерек раскрыл книгу на странице, заложенной листиком. Джейн заглянула ему через плечо и уловила слабый аромат одеколона. Или шампуня? Не важно; главное, этот запах вытеснил из ее носа чердачный дух тления.

– Судя по каталожной бирке, том взят из архивов Ливингстона в университете Глазго; там хранится большая часть документов путешественника. Здесь собраны его письма за длительный период: от времен исследования реки Замбези на юге Африки и до поисков истока Нила. Раздел, помеченный твоим отцом, содержит письма Ливингстона к Генри Мортону Стэнли. Тому самому Стэнли, который нашел про-

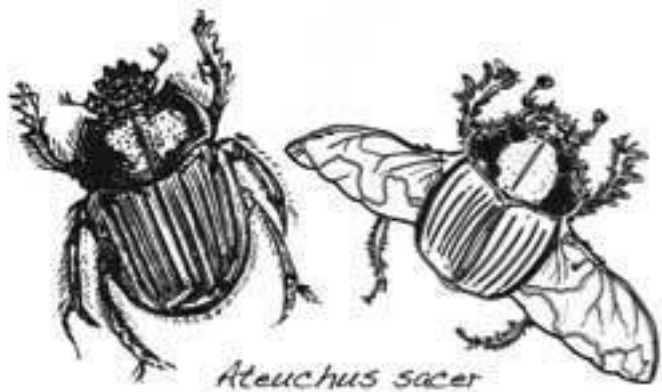
павшего Ливингстона в дикой африканской глуши.

Заинтригованная, Джейн вытащила стул и села рядом с Дерекком.

– И что там? Чем письма заинтересовали отца?

– Содержание в основном безобидное – так, общение двух старых приятелей. – Дерек пожал плечами. – Но есть тут и биологические и анатомические зарисовки Ливингстона. К примеру, вот страница, помеченная твоим отцом. Я обратил на нее внимание из-за этого малыша. Взгляни-ка.

Джейн придвинулась ближе, села плечом к плечу с Дерекком и посмотрела на рисунок какого-то жука.

Набросок был выполнен с потрясающим мастерством. Ливингстон изобразил жука в двух видах – со сложенными кры-

льями и с раскрытыми.

Джейн, наморщив нос, прочла латинское название:

– *Ateuchus sacer*. Не понимаю. Что в нем такого?

– Имя ему дал не кто иной, как Чарлз Дарвин. – Дерек сделал брови домиком и выжидательно посмотрел на нее. – «Священный жук египтян», – говорил о нем Дарвин.

– Скарабей! – осенило Джейн.

– Который сегодня известен под названием *Scarabaeus sacer*, – кивнул Дерек.

Интерес отца становился понятен. Древние египтяне почитали скарабея за его привычку перекатывать по земле шарики из навоза и проводили аналогию между маленьким навозным жуком и богом Хепри – утренней ипостасью бога Ра; ведь задачей Хепри было перекатывать солнце по небосводу. Изображения скарабея встречались у египтян во множестве.

Джейн склонилась над древним фолиантом.

– Да, логично. Папа искал информацию о подаренном Ливингстону талисмане, поэтому обращал внимание на любые упоминания Египта в записях и дневниках Ливингстона. – Она выпрямилась. – Только зачем красть книгу? Нарушать закон? Это совсем не в папином духе.

– Вот уж не знаю. Тут отмечены и другие страницы. Похоже, профессора особенно интересовали письма с рисунками. – Дерек закрыл книгу и придвинул к себе полевой дневник. – Странно. Перед отъездом в Судан он явно заикнулся о талисмане, но мне и полслова не сказал, лишь поручил

искать любые следы болезней в суданских мумиях.

– И ты нашел?

– Нет. – Дерек вздохнул. – Я его подвел.

Джейн тронула Рэнкина за локоть.

– Ты тут ни при чем. Папа буквально бредил Исходом. И сметал все на своем пути.

Дерек, по-прежнему расстроенный, раскрыл дневник.

– Твой отец подробно описал талисман. Когда из-за него умерла куча музейных сотрудников, талисман сожгли дотла – от греха подальше. Но профессор раздобыл и угольный набросок самой вещицы, и копию иероглифов, выцарапанных на дне. Вот тут все это есть.

Джейн узнала аккуратный почерк отца. Вверху страницы была приклеена маленькая фотография угольного наброска.

– Похоже на *арибалл*, сосуд для масел, – заметила Джейн. – Двухголовый... С одной стороны вроде бы морда

льва, с другой – лицо египтянки. Странно...

– В описании сказано, что вещь сделана из египетского фаянса с зеленовато-голубой глазурью.

– Хм... Возможно. Особенно если сосуд предназначался для хранения воды.

Египетский фаянс изготавливали из толченого кварца с добавлением глины. После обжига такие изделия больше походили на стекло, чем на керамику.

– А размеры?

Дерек заглянул в описание.

– Около шести дюймов в высоту. Вместимость – примерно пинта⁴. Чтобы добраться до содержимого, музейные сотрудники выбили из сосуда каменную пробку – ее удерживал в горлышке твердый воск.

– То есть *арибалл* был герметичным.

Дерек кивнул:

– Теперь смотри сюда. Внизу страницы твой отец переписал иероглифы, выцарапанные на дне талисмана.

⁴ Пинта в Великобритании равна 0,57 л.

Джейн опознала картинки без всяких справочников и перевела вслух:

– *Итеру*.

– Египетское слово «река».

– И египетское название Нила... – Джейн потерла лоб. – Видимо, это подтверждает слова туземца, подарившего Ливингстону *арибалл*.

– Что вода в нем – из Нила.

– Когда Нил обратился в кровь, – напомнила Джейн. – Первая из казней, обрушенных на Египет Моисеем.

– Кстати, о казнях. Смотри.

Дерек перевернул страницу, и Джейн увидела список, выполненный рукой отца.

- 1) Наказание кровью
- 2) Казнь жабами
- 3) Нашествие мошек
- 4) Наказание мухами
- 5) Мор скота
- 6) Язвы и нарывы
- 7) Гром, молнии и огненный град
- 8) Нашествие саранчи
- 9) Трехдневная тьма
- 10) Смерть первенцев

Список был составлен в хронологическом порядке, только отец зачем-то обвел седьмой пункт: «Гром, молнии и огненный град».

– Какие будут мысли? – Дерек заметил глубокую задумчивость Джейн.

– Пока никаких.

В доме затрезвонил телефон. Они вздрогнули от неожиданности.

Джейн раздраженно вскочила. Это наверняка доктор аль-Мааз, хочет услышать ответы. Но Джейн с Дерекком обнаружили лишь новые загадки.

Подняв трубку старенького дребезжащего аппарата, она не успела произнести «алло», как в ухо ей торопливо выпалили:

– Джейн Маккейб?

– Да. Кто это?

– Меня зовут Пейнтер Кроу. – Незнакомец говорил очень быстро, с отчетливым американским акцентом. – Я друг Сафии аль-Мааз. Около часа назад ее похитили из музея.

– Что? Как?!

– Остальных убили. Если дело в вашем отце, вы можете стать следующей жертвой. Спрячьтесь в надежном месте.

– А как же?..

– Уходите! Бегите в полицейский участок.

– В нашей деревне его нет.

Ближайшие стражи порядка находились в соседних городах, Летчуорте или Ройстоне, а машины у Джейн не было. Они с Дерекком приехали в Ашвелл на поезде.

– Тогда идите в людное место, – велел звонивший. – Чем больше людей, тем труднее на вас напасть. Я уже выслал помощь.

– В чем дело? – Дерек вскочил.

Джейн, лихорадочно соображая, посмотрела на него огромными глазами и сказала в трубку:

– Я... Рядом есть паб «Корзина и кошелка».

Она бросила взгляд на наручные часы. Начало восьмого, в пабе будет много народу.

– Бегите туда! Скорей! – И собеседник разъединился.

Джейн сделала глубокий вдох, сдерживая панику.

Если звонивший прав насчет отца...

Джейн указала на стол.

– Дерек, хватай дневник отца и архив из Глазго. И все, что сочтешь важным.

– Да в чем дело-то?

Она стала помогать Рэнкину запихивать документы в его кожаную сумку-портфель.

– Мы в большой беде.

19 часов 17 минут

Придержав двери, Дерек пропустил Джейн. Происходящее не укладывалось у него в голове.

Джейн замерла на крыльце, напряженно разглядывая заросший сад перед домом и узкую улочку за низким каменным забором. Солнце еще не зашло, но уже висело низко над горизонтом, и дорога тонула в глубокой тени.

– Что происходит? – вновь спросил Дерек. – Кто за тобой гонится?

– Не знаю. Может, никто. А может, те же люди, которые напали в музей на доктора аль-Мааз.

Джейн не обнаружила видимой опасности и направилась к железной калитке, выходящей на Гардинерс-лейн.

Дерек подтянул на плече ремень сумки и побрел следом, полный решимости уберечь Джейн. Тревога за друзей и коллег из музея только укрепляла эту решимость.

– Ты доверяешь звонившему? – спросил Дерек.

– Я... – Джейн задумалась. – Пожалуй, да. Он предложил идти в людное место. Не похоже на ловушку.

Полностью согласен.

– Опять-таки, – добавила она, – бокал пива мне не помешает. Или два. Нервы успокоить.

Джейн слабо улыбнулась, Дерек ответил тем же.

– Ну, раз это в лечебных целях, тогда я угощаю. Я, как-никак, доктор.

– Доктор археологии. – Она покосилась на него с подозрением.

– Биологической археологии, – поправил Дерек. – Это почти то же самое, что и доктор медицины.

Джейн закатила глаза и помахала рукой.

– Тогда лечите скорее, любезный доктор.

По узкому проулку между домами Джейн с Дерексом вышли к заднему двору паба. Через дорогу от главного входа в «Корзину и кошелку», на Милл-стрит, высилась солидная церковь Богоматери; ее окружал парк. Отсюда, со стороны двора, была видна лишь верхняя половина церковной башни. Венчающий ее свинцовый шпиль пламенел в закатных

лучах.

Во дворе уже царили сумерки. За столами смутно вырисовывались темные фигуры посетителей. Сквозь распахнутые задние двери долетал гул голосов из паба.

Хорошо знакомые звуки, перемежаемые смехом, приглушили страх Дерекы перед неведомой угрозой. Он провел в «Корзине и кошелке» немало вечеров – вместе с отцом Джейн. Порой они с профессором засиживались до самого закрытия. Прийти сюда – все равно что прийти домой.

В церкви через дорогу пела женщина. Ее голос напомнил Дереку о том, что сегодня – заключительный вечер музыкального фестиваля. Потому-то в пабе и яблоку негде упасть.

Впрочем, нам это сейчас на руку.

Джейн с Дерекком приободрились, миновали проулок и через калитку в частокале шагнули на задний двор паба. Благополучно дошли до дверей – никто их не тронул, никто не пристал, – сели возле барной стойки и заказали две пинты «Гиннеса». Кое-кто из посетителей узнал Джейн и начал выражать ей соболезнования. История о необъяснимом возвращении профессора Маккейба и о его смерти облетела все крупные газеты и наверняка стала главной темой местных сплетен.

Джейн, ссутулившись, прихлебывала пиво. Она явно чувствовала себя неуютно – из-за всеобщего внимания, из-за постоянных напоминаний об утрате. Не желая быть невежливой, бедняжка сидела с натянутой улыбкой, слушала вос-

поминания об отце и деревянно кивала. В конце концов Дерек подвинул стул к ней ближе и загородил собой от остальных.

Он регулярно посматривал на главный вход в заведение, настороженно оценивал каждого входящего – из-за фестиваля в паб заглядывало много чужаков. Однако прошло сорок пять минут, и Дерек начал подозревать, что звонивший то ли ошибся, то ли преувеличил опасность. Все было спокойно.

Вдруг в паб через главный вход влетел какой-то человек и с безумным видом завопил, указывая на улицу:

– Пожар!

Через мгновение люди, сидевшие на заднем дворе, вбежали внутрь, крича то же самое. Посетители «Корзины и кошелки» всем скопом повалили на Милл-стрит. Джейн с Дерексом – тоже. Взволнованная толпа толкалась и тянула; их увлекло в разные стороны.

– Джейн! – громко позвал Дерек.

Уже совсем стемнело и заметно похолодало. Он топтался посреди черной улицы, вертя головой. Небо впереди лизали языки пламени, там клубился густой черный дым.

Неужели это?..

Наконец Дерек заметил Джейн – та стояла спиной к нему. Он локтями проложил себе дорогу и обнял девушку. Лицо у нее было отрешенным до жути. Она тоже осознала, где находится источник пожара.

– Наш дом, – пробормотала Джейн.

Дерек прижал ее крепче.

– Его подожгли.

Рэнкин осматривался, с подозрением глядя на каждого. Пламя взмывало все выше, отблески зловеще плясали вокруг, по лицам в толпе. Над деревней выли сирены пожарных машин, отчего становилось еще страшней, еще тревожней.

– Нужно уходить. – Дерек потянул Джейн за собой.

Кто-то поджег дом, задумав уничтожить результаты исследований профессора. Сумка на плече вдруг показалась Дереку очень тяжелой. Ее содержимое приобретало теперь невероятную важность, однако Рэнкина сейчас заботило не оно. Если враги хотели погубить все связанное с профессором Маккейбом, то у них оставалась еще одна цель.

Его дочь.

Дерек развернул Джейн спиной к огню.

– Нужно...

Неожиданно его дернули за плечо и отшвырнули в сторону. Захваченный врасплох, он отлетел на несколько шагов. Над Джейн навис какой-то верзила, настоящее порождение ада: зверское лицо, огромная туша.

Дерек не отступил. Готовый защищать Джейн, он ринулся на противника, но нарвался на каменный кулак. Голова Рэнкина мотнулась назад. Хрустнула кость, вспыхнула боль, из глаз посыпали искры.

Он рухнул на землю.

Сквозь туман в голове Дерек смотрел, как Джейн тащат

прочь.

Нет...

Глава 4

30 мая, 15 часов 54 минуты по восточному летнему времени

Вашингтон, округ Колумбия

Кэтрин Брайант еще никогда не видела босса таким расстроенным. Ее кабинет выходил на центр связи в подземной штаб-квартире «Сигмы». Кэт через окно наблюдала за тем, как директор Кроу рассказывает по соседней полукруглой комнате, а со стен глазеют станции цифровой связи и компьютерные мониторы – словно посмеиваются над его бессилием.

– Он скоро дыру протрет на нижний этаж, – заметил муж Кэт. – Ты бы ему валиума в кофе подсыпала, что ли.

– Вот ты шутишь, Монк, но может дойти и до этого.

Кэт почесала маленький шрам на подбородке. Движение было произвольным, вроде нервного тика, – оно выдавало ее собственное желание действовать, а не просто переводить звонки да отслеживать болтовню мировых разведслужб. Однако она, второй человек в отряде после директора, знала свое место. Ее завербовали в «Сигму» из военно-морской разведки; как разведчику-аналитику, Кэт почти не было равных в мире.

– Есть новости из Каира? – спросил Монк.

– Только мрачные.

Она посмотрела на мужа. Монк Коккалис был на несколько дюймов ниже ее, а внешностью и комплекцией напоминал бульдога. Словно для соответствия имиджу, Монк брил голову налысо и не исправлял кривой нос – результат давнего перелома. Три часа назад, когда грянула катастрофа, Коккалис потел в здешнем тренажерном зале, поэтому до сих пор был в кроссовках, спортивных штанах и камуфляжной футболке с эмблемой «Зеленых беретов» на груди – две скрещенные стрелы и кинжал. Глядя на Монка, никто не усомнился бы в его спецназовском прошлом. Однако многие недооценивали редкостный ум, кроющийся за внешностью боксера.

В «Сигме» знания Монка в области медицины и биотехнологии высоко ценили. В УППОНИР – тоже. Впрочем, для этих организаций Монк был еще и штатным подопытным кроликом. Во время одной из прошлых операций он потерял кисть, и с тех пор на нем опробовали уже целый ряд протезов – их совершенствовали по мере развития технологий. Нынешняя рука связывалась с нейронным имплантатом, что позволяло Монку отлично управлять пальцами.

– Что значит «мрачные», Кэт? – Он возился с креплением протеза на запястье, еще не успев привыкнуть к новой «игрушке».

– В Каире полный хаос.

– А карантин?

Кэт фыркнула:

– Медицинская инфраструктура Каира, мягко говоря, старая. Состояние аварийных служб ненамного лучше. Во время эпидемии от них толку мало. Все равно что тушить пожар из водяного пистолета.

– В Великобритании зараженные есть?

– Пока...

На мониторе выскочила сводка ЦКЗ – Центра контроля заболеваемости, – отмеченная красным флажком. Кэт бегло просмотрела данные.

– Плохие новости? – Монк заметил, как она напряглась.

– Плохие. У нескольких сотрудников каирского и лондонского аэропортов подскочила температура. – Кэт перевела взгляд на мужа. – В том числе и у бортпроводника «Бритиш эруэйз».

– Похоже, кот все-таки вырвался из мешка.

– Отчет предварительный. Пока рано утверждать, та ли это болезнь, которая поразила работников египетского морга. Однако сидеть сложа руки нельзя. Я начну мобилизовывать многопрофильные лечебные учреждения – и у нас, и за границей.

Кэт покачала головой. В случае масштабных организационных действий все обычно упиралось в бюрократические проволочки. Она не сразу заметила, что ее пальцы вновь скребут шрам на подбородке.

За окном в очередной раз мелькнул Пейнтер. Кэт пони-

мала – он хотел бы быть в Лондоне, а не отсиживаться здесь. Штаб-квартира «Сигмы» занимала старые бомбоубежища времен Второй мировой, под Смитсоновским институтом. Такое расположение обеспечивало «Сигме» удобный доступ как в кулуары власти, так и в лучшие научные центры и лаборатории страны. Однако сейчас Пейнтера это не радовало. Он мечтал выйти в «поле» и возглавить поиски напавших на Британский музей.

Из старого досье Кэт знала, что директора и Сафию аль-Мааз связывает общее прошлое. Эта женщина была дорога Пейнтеру. словно уловив мысли Кэт, он вновь включил видео, снятое во время разговора с доктором аль-Мааз. Кэт просмотрела ролик уже четыре раза.

В кабинет Сафии ворвался человек в маске, выстрелил в хранительницу музея из ружья-транквилизатора – вонзил ей в грудь два оперенных дротика, – затем пустил в экран пулю из обычного пистолета; из него же преступник убил двух сотрудников музея, в том числе мелькнувшую на видео молодую женщину, младшего хранителя.

Когда подоспела помощь, Сафии в кабинете не было.

Пейнтер остановил запись и уставился на последний кадр: доктор аль-Мааз тянет руку к экрану.

– Если б ее хотели убить, то убили бы, – пробурчал Монк. – Похитителям от нее явно что-то нужно.

– А что с ней сделают потом? – возразила Кэт.

– Хорошо бы нам успеть раньше, – помрачнел Коккалис.

Кэт глянула на часы на мониторе.

– Куда подевался Грей? У вас через тридцать пять минут самолет в Лондон.

Монк пожал плечами.

– Он в больнице, с отцом и братом. Обещал подъехать прямо на аэродром.

– Как отец Грея?

– Не очень. – Монк провел рукой-протезом по бритой макушке. – Но главная проблема не в отце, а в брате.

16 часов 14 минут

Не одно, так другое...

Коммандер Грейсон Пирс сидел у постели отца. Они только что вернулись в дом престарелых из больницы «Холи кросс» после медицинского обследования. Даже простая поездка в машине «Скорой помощи» далась старику тяжело.

Грей наблюдал, как сиделка подтыкает простыни вокруг отца, и силился разглядеть в нем того жесткого техасского нефтяника, который некогда тиранил семью. Человек суровый и грубый, он бурно отстаивал свою независимость – даже после аварии на буровой, когда ему отсекло ногу по колено. Раньше Грей с отцом часто сталкивались лбами, оба слишком упрямые для уступок, слишком гордые. Эти-то баталии и занесли Грея далеко от дома – сперва в армию, потом в десантники и, наконец, в «Сигму».

Пирс рассматривал морщины, избороздившие старческое лицо, подмечал землистый цвет кожи, ввалившиеся глаза. Сиделка начала взбивать подушку, отец глубоко вдохнул, грудь высоко поднялась... Обычно это предвещало тираду ругательств. Бегают тут вокруг него, понимаешь! С Джексонсом Пирсом нечего цацкаться, он вам не такой!.. Однако грудь покорно опала – на возражения просто не осталось сил.

Грей решил прогнать сиделку сам:

– Достаточно. Отец не любит, чтобы над ним тряслись.

Девушка отошла.

– Мне еще нужно промыть центральный катетер, – сообщила она Грею.

– Давайте через пару минут? – Он бросил взгляд на часы.

Только пара минут у меня и осталась.

Нужно бежать, его ждали на аэродроме. Грей покосился на двери.

Где же Кенни?

Наверное, по дороге из больницы брат где-нибудь завис. Решил посмаковать последние минуты свободы. Раз Грей улетал, то дежурство переходило к Кенни. *Па-дежурство* – так они звали между собой эту обязанность. Со временем она становилась все тяжелей для обоих братьев.

Грей нетерпеливо осмотрел палату. Лучше всего к ней подходило определение «спартанская», да и то с большой натяжкой. Платяной шкаф, разделительная занавеска на потолочных роликах, тумба на колесиках – вот и вся обстанов-

ка. Эта комната станет для отца домом на ближайшие шесть недель.

Месяц назад отец поскользнулся, упал и глубоко распол культию ноги. Старика отвезли в травматологию, наложили швы. Все уже вроде было в порядке, вот только откуда-то вдруг взялась устойчивая субфебрильная температура. Поставили диагноз – вторичная костная инфекция и легкий сепсис, довольно распространенное осложнение у пожилых пациентов. Еще одна операция, стационарное лечение – и отца направили сюда, на шестинедельный курс внутривенной антибиотикотерапии.

Грей виновато вздохнул:

Может, оно и к лучшему. Здесь, по крайней мере, ему обеспечат круглосуточный уход, пока меня не будет.

Кенни даже в лучшие времена был не самой ответственной сиделкой.

– Я готов уйти, – проскрипел старческий голос из кровати.

– Пока нужно побыть здесь, пап, – сказал Грей. – Предписание врача.

В последнее время отец воспринимал действительность смутно. То, что начиналось как приступы забывчивости – потеря ключей, повторение одних и тех же вопросов, путаница между «право» и «лево», – в конечном итоге привело к диагнозу «болезнь Альцгеймера». Еще один удар для человека, который отчаянно цеплялся за независимость. В прошлом году Грей попробовал – на свой страх и риск – экс-

периментальное лечение: выкрал из лаборатории лекарство, сулившее надежду при дегенеративных нейропатиях, и оно вдруг сработало. Целый ряд позитронно-эмиссионных томографий подтвердил отсутствие новых амилоидных бляшек в мозге. Болезнь перестала прогрессировать.

Однако повернуть процесс вспять волшебное лекарство, увы, не смогло. И это оказалось палкой о двух концах. Отец мыслил относительно ясно, был контактен, но так и не стал собой прежним. Болезнь разрушила его личность. Пирс-старший застрял где-то посередине, заблудился в вечном тумане.

– Я хочу к Гарриет, – вновь произнес отец, уже настойчивей.

Грей тяжело вздохнул. Мама погибла несколько лет назад. Он не раз рассказывал об этой трагедии отцу, и тот явно понимал – в определенной степени. Отец часто горевал по маме или вспоминал вслух какие-нибудь забавные истории с ней. Грей дорожил такими минутами. Однако, когда Пирс-старший уставал или нервничал – как сейчас, – он терял представление о времени.

Грей погладил отца по руке. Позволить ему и дальше заблуждаться? Или вновь поведать горькую правду? Грей взглянул в голубые глаза старика – такие же голубые, как у него самого, – и вздрогнул. Они светились умом, как раньше.

– Пап?..

– Я готов уйти, сын, – отчетливо повторил отец. – Я... я

очень скучаю по Гарриет. Я хочу к ней.

Грей примерз к полу, утратив дар речи. Отец вечно воевал с миром, во всем усматривал неуважение к себе и злился, злился – даже на собственного упрямца-сына. Откуда вдруг такое смирение? Оно совсем не вязалось с образом того жесткого человека, который растил Грея.

Не успел он ответить, как в палату вихрем влетел Кенни. Семейное сходство братьев было налицо. Одинаковый рост, одинаковые густые темные волосы, одинаково цветущий вид, свойственный уроженцам Уэльса. Только программист Кенни, в отличие от стройного командера Грея, отрастил себе внушительный пивной живот – спасибо сидячей работе и частым ночным попойкам.

– Вот, журналов отцу прикупил. – Кенни помахал пакетами из «Севен-илевен». – «Спортс-иллюстрейтед», «Гольф-дайджест». И перекус привез. Чипсы и конфетки.

Он подтащил к кровати стул и упал на него. Дышал Кенни тяжело, будто после марафона. Грей уловил явственный аромат виски. Младший братец явно прикупил не только то, что перечислил.

– Можешь идти, теперь моя очередь. Я присмотрю за отцом. – В голосе Кенни прозвучал легкий упрек. – Должен же кто-то о нем заботиться, верно?

Грей скрипнул зубами. Кенни знал, что он работает на правительство, но без подробностей о «Сигме». Если честно, Кенни вообще не очень-то интересовался старшим братом.

Как только Грей встал, отец одарил его суровым взглядом и едва заметно покачал головой. Послание было ясно. Старик не хотел, чтобы Грей упоминал об их разговоре. Видимо, трогательное признание предназначалось исключительно для ушей старшего сына.

Ладно, одной тайной больше.

Он склонился над кроватью, обнял старика на прощание. Почувствовал себя неловко: и потому, что отец полулежал, и потому, что публичные нежности были между ними редки.

Пирс-старший высвободил руку, похлопал сына по спине.

– Задай там перцу. – Так уж вышло, что отец знал правду о работе Грея.

– А как же. Навещу тебя, когда вернусь.

Он встал. Внутри словно что-то щелкнуло, начался мысленный настрой на предстоящую операцию. Годы в десанте научили Грея мгновенно переходить от отдыха к делу: падать с койки при свисте подлетающей бомбы, нырять в укрытие при щелчке снайперского выстрела...

Когда солдату приходит время действовать, он действует. Вот и сейчас время пришло.

Уже в дверях Грея остановил голос отца – на удивление сильный, словно голос прежнего Джексона Пирса.

– Дай мне слово.

– Какое? – Грей оглянулся, наморщив лоб.

Отец заморгал. Привстал на локте – но даже это усилие было для старика слишком тяжелым: он задрожал и рухнул

назад в подушки. На лице проступила знакомая растерянность.

– Па? – позвал Грей.

Слабым взмахом руки его отпустили.

– Слушай, Грей, если уходишь, то уходи, – подлил масла в огонь Кенни. – Дай отцу отдохнуть. Кончай тянуть кота за хвост.

Грей стиснул кулаки, завертел головой – куда бы ударить?! Передумал и молча вылетел из палаты. На улице он глубоко задышал и поспешил к своему мотоциклу, «Ямахе V-макс». Взгромоздился на железного коня, натянул шлем и завел двигатель. Тот гортанно рыкнул.

Грей позволил мотору порычать всласть, выплеснуть бесильную злобу хозяина. От грохота завибрировала каждая клеточка, и Грей рванул с места. Резко вывернул со стоянки на улицу, низко положил мотоцикл, затем выровнял и дал газу.

Однако последние слова отца летели следом.

Дай мне слово.

Что это значит? Грея грызло чувство вины – и за то, что уезжал, и за то, что радовался отъезду. Пирс уйму времени посвятил метаморфозам отцовского здоровья. Он так долго сражался с бесплотными демонами, что сейчас мечтал о сражении настоящим – с противником, которого можно ухватить руками.

Грей позвонил в штаб-квартиру «Сигмы» и доложил Кэт:

– Я в пути. Прибуду на аэродром через пятнадцать минут.

– Монк тебя встретит, – раздался ее голос в шлеме. – Полное досье по операции ждет в самолете.

Директор уже обрисовал Грею ключевые моменты. Пейнтер был заинтересован в этом деле лично, поэтому попросил Пирса возглавить операцию в Лондоне.

– Как там обстановка? – поинтересовался Грей.

– Музей оцеплен. К сожалению, камеры наблюдения не засняли налетчиков. Сейчас полиция прочесывает близлежащий район в поисках свидетелей.

– А вторая потенциальная жертва?

– Джейн Маккейб? Оттуда пока ничего не слышно.

Он прибавил скорость. Похоже, ситуация обостряется с каждым часом. А Грей с Монком прилетят в Нортхолт, на авиабазу Королевских военно-воздушных сил в западном районе Лондона, лишь на рассвете.

Из-за такого промедления Пейнтер Кроу уже задействовал в Англии двух оперативников «Сигмы», которые оказались ближе к месту: один участвовал в конференции в германском Лейпциге, другой был в Марракеше – изучал черный рынок краденого ближневосточного антиквариата.

Они составляли странную парочку, но необходимость часто плодила неожиданные союзы.

Впереди показался поворот на частный аэродром. Грей прибавил газу и помчал ко въезду, думая об этих двух оперативниках.

Да поможет Бог тому, кто встанет у них на пути.
Если они, конечно, сначала не убьют друг друга.

Глава 5

30 мая, 21 час 22 минуты по британскому летнему времени

Ашвелл, Хартфордшир, Англия

Неужели он такой идиот?..

Сейхан схватила Джо Ковальски за запястье и ткнула ногтем в болевую точку у основания большого пальца. Здоровяк взвыл, но наконец-то выпустил руку Джейн Маккейб.

Та отпрянула. Не дав ей сбежать, Сейхан перегородила девушке путь.

– Мисс Маккейб, простите. – Она вскинула руки, словно сдаваясь. – Мы не хотели вас напугать.

Джейн, разинув рот, смотрела на обидчиков. Никто из толпы вокруг даже не заметил короткой стычки. Неудивительно – внимание людей было приковано к языкам пламени, лижущим темное небо.

Под звук сирен Сейхан пояснила:

– Нас прислал Пейнтер Кроу. Мы должны доставить вас в безопасное место.

Джейн потеряла синяк у локтя. Судя по ее испуганному виду, заверения Сейхан не очень-то помогли. Джейн перевела взгляд на Ковальски. Тот выглядел качком, переевшим стероидов. Росту в нем было куда больше шести футов, а му-

скулистое телосложение не скрывал даже кожаный черный плащ до колен. Мало того, лицо громилы представляло собой зверскую мешанину из шрамов, кустистых бровей и толстых губ – все это группировалось вокруг расплющенного носа и опиралось на квадратный подбородок.

Ковальски сделал сконфуженное лицо.

– Виноват. – Он помахал рукой размером с боксерскую перчатку. – Я увидел вас посреди улицы. Подумал, на вас какой-то парень напасть хочет.

– Дерек... – Джейн оглянулась.

Словно услышав, к ним сквозь толпу протолкался высокий нескладный мужчина. Из разбитого носа у него стекали две одинаковые струйки крови. Глаза уже начали заплывать. Мужчина кинулся к Джейн, явно настроенный ее защищать.

Сейхан подпустила его. Она узнала доктора Дерек Рэнкина – по фотографии в оперативной сводке. А вот Ковальски пару минут назад не соизволил напрячь память и очертя голову кинулся в бой.

Дерек посмотрел на Джо, готовый вновь сразиться со здоровяком, но сперва гнусаво спросил у Джейн:

– Ты цела?

Она кивнула.

– Произошло недоразумение. – Сейхан шагнула вперед.

Только тут археолог ее заметил. И застыл. Она привыкла к подобной реакции. Сейхан была полукровкой, в ней смешались азиатская и европейская кровь. Длинные темные во-

лосы, желтовато-коричневый оттенок кожи, высокие скулы, изумрудно-зеленые глаза – Сейхан выглядела эффектно и необычно. В прошлом она не раз пользовалась своей внешностью для обольщения жертв. Тогда Сейхан еще работала наемницей Гильдии – террористической организации, которую уничтожила «Сигма». Стройная и мускулистая, сегодня Сейхан оделась благопристойно: черные джинсы, кожаные ботинки и свободный джинсовый пиджак поверх темно-красной блузки.

– Вв... вы кто такие? – Дерек переводил глаза с Сейхан на Ковальски.

– Их прислал тот, кто мне звонил, – ответила Джейн.

– Несмотря на нашу внешность, мы вам поможем, – заверила Сейхан.

В доказательство она протянула Джейн фотографию, присланную Пейнтером Кроу. Девушка поднесла снимок поближе к фонарю, Дерек заглянул ей через плечо. Фотография запечатлела Кроу с Сафией аль-Мааз. Оба были моложе, оба улыбались в объектив на фоне оманской пустыни и большого озера, сверкавшего в лунном свете.

– Это наш босс, – пояснила Сейхан. – Несколько лет назад он помог доктору аль-Мааз.

Дерек поднял голову.

– Я видел фото этого парня у Сафии в кабинете. Она рассказывала мне историю их знакомства... Отредактированную версию, надо полагать. – Подозрительность в его глазах

постепенно таяла.

– И что, мы им поверим? – спросила у него Джейн.

Рэнкин кивнул в сторону пожара.

– По-моему, выбор у нас невелик. – Дерек опасливо потрогал свой нос и зло глянул на Ковальски. – К вашему сведению, в следующий раз хватит и простого «здрасьте».

Джейн сердито скрестила руки и поджала губы. Она, в отличие от археолога, не желала прощать и забывать.

– Я не стану...

Сейхан резко толкнула Джейн в сторону. Какофонию sireн разорвал громкий выстрел. Сейхан всегда была начеку – инстинкт выживания выработался у нее за годы, проведенные на неприветливых улицах Бангкока и Пномпеня. Она заметила смутную фигуру, вскинувшую руку, и среагировала на угрозу машинально, еще до того, как в этой руке блеснуло оружие.

Джейн оступилась, но Сейхан обхватила ее за талию и помогла устоять.

– Пригнитесь, – скомандовала она и, крутнувшись,хватила из наплечной кобуры под пиджаком пистолет «ЗИГ-Зауэр». Направила его на противника, однако при звуке выстрела люди вокруг бросились врассыпную, и убийца растаял в толпе.

Ковальски толкнул Дерекa вниз и прикрыл его своей тушей, одновременно вытаскивая из-под плаща оружие. Внешне оно походило на дробовик, но дробовиком не было. «Пье-

зер», новая разработка УППОНИР, заряжался от аккумуляторов и стрелял патронами двенадцатого калибра, содержащими пьезоэлектрические кристаллы. При выстреле патрон высвобождал целый поток таких кристаллов; напряжение каждого было эквивалентно напряжению электрошокера-тазера. Оружие нелетального действия имело диапазон около пятидесяти шагов и отлично подходило для сдерживания толпы.

Однако Ковальски – удивительно! – проявил благоразумие и стрелять не стал.

Отлично... нам только всеобщей паники на улице не хватало...

Сейхан потянула Джейн подальше от последней позиции стрелка и позвала здоровяка с Дерекком. Их влекло все дальше и дальше от машины. Несколько минут назад Сейхан с Ковальски подъехали к деревушке и увидели в небе пламя. Пришлось остановить машину и прокладывать себе путь к «Корзине и кошелке» сквозь толпу зевак.

– Куда мы? – спросил Дерек.

– Куда-нибудь в укрытие. – Сейхан завертела головой. – Здесь мы как на ладони.

– Сегодня Хоральный вечер. – Джейн указала на каменную ограду: за ней у открытых дверей старинной церкви топталась группа в белых рясах.

Сейхан недоуменно свела брови.

– Значит, там полно народу, – пояснил Дерек.

Годится.

Она повела их ко входу, пряча пистолет в кобуру и обдумывая план побега от неведомых охотников.

– Из церкви есть другой выход?

– Да, в северной стене, – ответила запыхавшаяся Джейн. – Он ведет на кладбище за церковью.

– Ночью на кладбище, – хмыкнул Ковальски. – Там нас и закопать можно, никуда тащить не надо. Удобненько.

Не обратив на него внимания, Сейхан быстро повела всех на церковный двор.

– А за кладбищем что? – спросила она у Джейн.

– Лесопарк: топи с ключами, которые питают реку Кам. – Джейн махнула рукой. – А за топами, примерно в четверти мили, – шоссе Стейшн-роуд, где можно остановить машину. Попросим подбросить нас на железнодорожный вокзал – там пару минут езды.

Сейхан кивнула.

План неплох.

– Следующий поезд на лондонский Кингс-Кросс отправляется меньше чем через час, – сообщил Дерек, глянув на часы.

Совсем хорошо.

– Надо успеть. – Сейхан ускорила шаг.

У южного крыльца громко разговаривали хористы в рясах, обеспокоенные и радостные одновременно. Их заливал свет, падающий из открытых дверей. Из церкви плыл могу-

чий голос органа – музыканты готовились к сегодняшнему торжеству. Все наверняка гадали, состоится ли оно. Ведь никакой хор не сможет соперничать с воем пожарных сирен.

У крыльца Сейхан жестом поторопила спутников. Они миновали толпу и через кованые двери вошли в церковь. Оперативница настороженно изучала обстановку. Слева был арочный вход в башню. Справа тянулся неф, переходивший в широкий алтарь. Свечи в глубине алтаря освещали фигуру Христа, заключенную в железный крест. В той стороне топталось много людей – в основном у хоров и возле органа.

Не обнаружив опасности, Сейхан перешла к делу. В противоположной стене было несколько одинаковых старинных дверей. Они стояли открытыми, за ними царил темнота.

Северный выход.

– Нам туда, – подтвердила Джейн.

Сейхан шагнула вперед, но ее внимание привлекла суматоха сзади. Толпа на улице сердито закричала, ее тут же заглушило глухое рычание двигателя. Четверо беглецов быстро разделились, отскочив по разные стороны от входа. В дверном проеме с грохотом вырос темный силуэт – мотоцикл с двумя людьми в шлемах. Пассажир держал пистолет, используя в качестве упора сутулые плечи водителя.

Мотоцикл запрыгнул на длинное крыльцо. Сейхан указала на вход в башню, за которым начиналась винтовая лестница.

– Ковальски, води их туда. Наверх.

Он кивнул. Уже на ходу оглянулся и бросил:

– А ты?..

Сейхан повернула в другую сторону и нырнула головой вперед к ближайшей скамье. В полете сгруппировалась, упала на плечо, с перекатом вскочила на ноги и, под прикрытием толстой деревянной скамьи, направила пистолет на мотоцикл. Тот уже влетел в церковь. Рык двигателя гулко прокатился по нефу дьявольским песнопением. Водитель резко затормозил, оставив на каменном полу черные следы шин.

Неужели заметил?

Он прыгнул на землю – явно решил преследовать добычу пешком. Сейхан навела пистолет на нижнюю часть шлема и нажала курок. Резкий выстрел заглушил грохот двигателя. Спину пассажира выгнуло дугой, из горла хлынула кровь. Он тяжело упал, шлем звонко стукнул о камень.

Не успела Сейхан взять на прицел водителя, как тот развернулся на сиденье, выхватил из кобуры на колене автомат и выпустил бешеную очередь в направлении Сейхан. Она нырнула вниз. Пули вгрызлись в старую древесину, в стороны полетели щепки. Сейхан из-под скамьи увидела, как водитель прыгнул с мотоцикла и под его прикрытием стал отступать.

Сейхан выстрелила, метя в ноги противника, но тот благополучно скрылся. Она процедила ругательство, хотя и отдала должное его ловкости.

Хорош... Слишком хорош для любителя.

Опасаясь худшего, Сейхан выскользнула из укрытия и, держа под прицелом вход в башню, осторожно пошла вперед. С улицы вдруг принесло новое песнопение.

Нестройное завывание двигателей. Все громче, громче.

Сейхан обернулась. По церковному двору мчали темные тени.

Подмога прибыла. Вот только не ко мне...

Сейхан глянула на винтовую лестницу. Представила убийцу – как он крадется наверх, мечтая прикончить жертву. Нет, своим в башне Сейхан сейчас помочь не могла. Ей предстояло держать оборону здесь.

В ожидании атаки противника она вознесла молчаливую молитву.

Ковальски, не натвори глупостей.

21 час 44 минуты

Внизу стреляли. Джейн шагала вверх по винтовой лестнице и, чтобы утихомирить панику, вела рукой по стенам. Их надежная твердость успокаивала нервы. Колокольню построили из местного известняка. За несколько веков дожди иссекли-источили фасад, но башня все равно держалась. Джейн черпала в этом силы.

Ее пальцы ощущали средневековые надписи, вырезанные в мягком камне. Они напоминали о стойких людях, давным-давно живших в этих местах, – людях, которые не па-

дали духом даже во время эпидемий, войн и голода.

Я тоже должна быть крепкой.

Пальцы пробежали по очередной надписи; вспомнился отец, походы с ним сюда в детстве. Джейн не позволит ночным убийцам стереть папины следы – ни огнем, ни пулями. Она будет сражаться до последнего вздоха.

Не только ради отца, но и ради Рори.

Если он жив, я не успокоюсь, пока не отыщу его.

Джейн прибавила шаг.

Дерек шел впереди, здоровяк-американец по имени Ковальски – сзади.

– Куда нас выведет эта чертова лестница? – спросил он.

– В звонницу, – ответила Джейн. – К колоколам.

Она посмотрела вверх. Вот уже больше века звон колоколов был неизменным спутником здешней жизни, он раздавался каждые пятнадцать минут. Правда, недавно люди стали жаловаться на шум, и колокола начали приглушать на ночь. Джейн это огорчало – ей казалось, будто саму древность лишили голоса.

Снизу вдруг долетел другой шум, куда более современный. В башне загремел, отскакивая от стен, многоголосый рев двигателей – словно толпа демонов помчала вверх по ступеням. Американец вскинул голову, помедлил. На лице его застыла тревога за напарницу.

– Что делаем? – спросил Дерек.

Ковальски зарычал и взмахнул оружием.

– Не останавливаемся. Топаем на самый верх. Отсидимся там, пока...

Далекий грохот двигателей прорезал выстрел.

Ковальски пригнул голову. В стену рядом с ним впиалась пуля, осыпав здоровяка острыми каменными осколками.

– Бегите! – гаркнул он и рванул к Дереку с Джейн.

Те послушно побежали.

Джейн подпрыгнула от громкого звука: Ковальски наугад выстрелил вниз. Из короткоствольного ружья во все стороны полетела крупная дробь – или чем там оно было заряжено? – и зарикошетила по стенам водопадом ярко-синих искр.

От неожиданности Джейн оступилась.

– Держу! – Дерек поймал ее за руку.

– Что это такое?

– Не знаю. Не важно. Давай быстрее.

Они карабкались по ступеням, Рэнкин крепко сжимал руку Джейн. По его встревоженному лицу было ясно, что сейчас Дереку важно только одно. Он боялся не за себя, а за нее.

Не желая его разочаровывать, она побежала быстрее.

Рев двигателей далеко внизу внезапно стих. Теперь звучали только тяжелые шаги беглецов. Затянувшаяся тишина нагоняла страху.

Джейн бросила взгляд назад, гадая, что произошло.

Почему так тихо? Хорошо это или плохо?

21 час 50 минут

Сейхан припала к рулю позаимствованного мотоцикла и помчала по газону. Фары она не включила, подражая своим преследователям.

Когда их мотоциклы подкатили к южному крыльцу церкви, Сейхан сняла с убитого шлем и натянула его на себя. Затем прыгнула на брошенный мотоцикл. Еще не остывший двигатель послушно взревел, и она бросила железного коня к северному выходу. У распахнутых дверей затормозила и юзом выскользнула в ночной мрак за порогом. Обернулась. Как раз вовремя – первый из трех мотоциклов влетел в церковь.

Сейхан, едва различимая в темном дверном проеме, помахала чужакам и хрипло крикнула. Она надеялась, что шлем сделал ее голос достаточно невнятным и что противники понимают английский. А то мертвец на полу оказался кавказцем.

– Сюда! – завопила Сейхан. – Они побежали сюда!

И рванула в ночь, увлекая остальных за собой.

С грохотом мчась по темному двору позади церкви, онаглянула в зеркало. Где же они?..

Отлично – три мотоцикла, все без света, неслись по газону следом.

Небо позади, за черепичной церковной крышей, пылало отблесками огня. Пожар отвлек толпу от суматохи и стрельбы в церкви.

Тем лучше...

Сейхан взлетела на невысокий травянистый холм и окинула взглядом окрестности. Внизу, в паре сотен шагов, росли в ряд черные деревья, а перед ними, прямо по ходу, землю усеивали вертикальные каменные плиты и небольшие склепы.

Кладбище, о котором говорила Джейн.

Не сбрасывая скорости, Сейхан погнала к погосту. Ехать по нему в темноте было рискованно, однако ничего другого не оставалось. Она сосредоточенно виляла между препятствиями, но надгробья теснились все плотнее. Сейхан упрямо мчала вперед. Временами она даже прибавляла газу и бросала короткие взгляды в зеркало.

Чужаки по-прежнему думали, что она гонит их добычу, и послушно неслись следом с холма. Сейхан подождала, когда они достигнут кладбища, затем нажала на тормоз, выкрутила руль и развернула мотоцикл на сто восемьдесят градусов, лицом к противнику.

Она зажгла фару. Яркий прожектор осветил ночь. Для закрепления успеха Сейхан включила дальний свет. Преследователи – ослепленные, захваченные врасплох – не сумели обогнуть мраморные препятствия.

Один мотоцикл въехал в склеп, катапультировав водителя. Тот налетел на стену и рухнул на землю, шея вывернулась под неестественным углом.

Второй врезался в надгробную плиту. Водитель потерял

контроль, завалил мотоцикл набок и заскользил по траве. Сейхан проследила его путь «ЗИГ-Зауэром» и выстрелила. Лицевой щиток на шлеме противника треснул, тело застыло.

Третий ездок показал себя более ловким. Он резко уклонился от луча света, ушел в сторону и мастерски завилял среди надгробий.

Сейхан выстрелила. Противник петлял, как заяц. Промых. Сбежал! Черт! Она пустилась в погоню, понимая, что враг повернет назад, как только у него перед глазами растают слепящие круги. Она должна достать его первой!

Мотоциклист выскочил с кладбища на просторную поляну с редкими деревьями, почувствовал себя уверенней и заерзал на сиденье. Только это и спасло Сейхан – она сумела среагировать вовремя. Он поднял пистолет и выпустил в нее всю обойму.

Сейхан припала к мотоциклу. Пули вздыбили землю справа и слева; одна пробила переднее крыло. Сейхан подстегнула железного коня, стала бросать его вправо-влево, но тут удачный выстрел разбил ей фару. Сразу сгустился мрак.

Сейхан помянула черта и нехотя сбросила газ... Поздно.

Впереди словно взорвалась суперновая звезда – и мир исчез, смытый беспощадной вспышкой. Сейхан поняла, в чем дело. Противник повторил ее же трюк: развернул мотоцикл и включил дальний свет.

Враг мог использовать этот шанс и перезарядить оружие. Ну уж нет! Она прибавила скорость и полетела навстречу

свету. Выхватила пистолет, выстрелила. Удача! Выстрел попал в цель, вновь стало темно. Всего в нескольких шагах Сейхан разглядела чужой мотоцикл. Пустой! Он стоял вертикально, прислоненный к дереву.

Столкновения было не избежать. Сейхан повалила свой байк набок и пустила его юзом, колесами вперед. Сама успела прыгнуть в последнее мгновение. Раздался грохот. Она тут же сделала кувырок, вскочила на ноги, нырнула под прикрытие ближайших деревьев и приникла спиной к раскидистому ясеню. Погоня закончилась на той небольшой поляне, которую Сейхан заметила с холма над кладбищем.

Но где же враг?

Уши напряженно вслушивались: не зашелестит ли листва, не треснет ли ветка. В глубине леса журчала вода. Да, Джейн говорила об источниках, питающих реку Кам.

В той стороне что-то плеснуло. Затем еще раз.

Враг бежал.

Сейхан пошла на плеск. Не хватало еще, чтобы этот ловкач улизнул и вызвал подкрепление или устроил очередную засаду! Однако следовало соблюдать осторожность. Вдруг шум был лишь приманкой? Сейхан двигалась скрытно, ровно дышала носом, взвешивала каждый шаг.

Когда глаза привыкли к мраку, она разглядела тропку – к источникам, надо полагать. Сейхан пошла параллельно тропинке. Впереди сквозь деревья замерцали мягкие блики. Еще несколько шагов – и перед Сейхан раскинулась водная

гладь. Черная вода отражала звезды и луну. Это был пруд размером с половину футбольного поля. Вдоль лесистых берегов стояли парковые скамейки.

Сейхан уловила движение. Вскинула голову.

По воде бежала темная человеческая фигура, и под ней даже ряби не вздымалось.

Как?!

Сейхан напрягла зрение и заметила прямоугольные камни, почти вровень с поверхностью пруда. Выложенные в ряд, они пересекали водоем от берега до берега – этаким необычный мостик.

Неподалеку в воде плавал шлем. Его, видимо, бросили, поскольку он ограничивал обзор.

Сейхан подняла пистолет, но темная фигура уже достигла противоположного берега. Прежде чем исчезнуть в лесу, она обернулась. Водное отражение луны осветило лицо противника.

От удивления Сейхан замерла.

Это оказалась девушка с белоснежными волосами до плеч. Даже с такого расстояния были видны татуировки, покрывающие половину ее лица. Миг – и темная фигура растаяла во мраке.

Сейхан обдумала положение. Перейти пруд по камням и погнаться за незнакомкой? Нет, на открытой воде Сейхан станет удобной мишенью для снайпера в лесу. Обежать пруд по кругу? Противник успеет улизнуть.

И все же Сейхан колебалась.

Тишину разорвал новый звук.

Сзади, из церковной башни, долетел колокольный звон, громким эхом разнесся по округе. Звон был резким и сумбурным – никакой мелодичности, сплошная дисгармония да набат.

Сейхан посмотрела в том направлении. Она догадывалась о причине этой какофонии.

Ковальски...

22 часа 04 минуты

– Скорее! Давай! – рявкнул громадный американец.

Он сидел на корточках у верхней ступени башни и палил из своего странного ружья, поливая лестницу роем искрящихся кристаллов.

Ковальски перезарядил дробовик, мрачно глянул на Дерек и поднял два пальца.

Осталось два патрона.

Что потом? Дерек привстал на носках и покатил по полу бронзовый колокол. Страх сжимал горло, не давал дышать – а может, то был не страх, а огромное напряжение, ведь Рэнкин толкал неподъемный колокол весом больше четырехсот фунтов.

После бесконечных кругов по винтовой лестнице беглецы достигли звонницы, занимавшей весь верхний этаж. Над го-

ловой вздымалась деревянная колокольная рама из толстых бревен, на которой висели шесть церковных колоколов, самый старый из которых датировался XVII веком. Колокола были разного размера, на раме их удерживали веревки, свисающие сквозь дыры в досках.

Ковальски вел перестрелку с затаившимся внизу преследователем, а Дерек и Джейн по указке здоровяка отцепляли колокол.

Объяснение Джо отличалось лаконичностью.

У меня есть план.

Дерек схватил лестницу, Джейн отыскала в углу звонницы ящик с инструментами. Пот жег глаза, из сломанного носа капала кровь, но Рэнкин упрямо отвинчивал болты самого маленького колокола. Наконец тот тяжело рухнул на пол.

Теперь Дерек с Джейн пытались подкатить колокол к американцу.

С лестницы грянул выстрел. Ковальски ответил россыпью ослепительных кристаллов.

Остался один патрон.

Джо подбежал к Дереку с Джейн. Вместе они подтащили колокол к порогу, к верхней ступеньке.

План стал очевиден.

– Пора сматываться, – громыхнул американец над ухом у Дерека.

Беглецы дружно толкнули колокол. Тот покатил вниз, поскакал по ступеням, с громким звоном отлетая от стен. От

пронзительного трезвона заложило уши.

– Вперед! – Ковальски показал рукой вслед колоколу.

Здоровяк рванул на лестницу первым. За ним – Джейн. Дерек подхватил с пола свой кожаный портфель и тоже побежал.

Надо спешить. Колокол наверняка выкурит преследователя из башни, но тот может подкараулить их внизу.

У Ковальски явно были в запасе другие планы.

И вновь бесконечные круги по лестнице, теперь уже следом за бешеным перезвоном. На очередном повороте Дерек увидел и сам колокол, и тень, спешащую убраться с его пути. Ковальски выстрелил последним патроном. Россыпь ярких кристаллов ударила в подпрыгивающий колокол, полетела в стены. Несколько искр толкнули преследователя в спину, и тот резко вскрикнул от боли.

Еще один виток лестницы – и стало ясно, что противник оглушен и ослаблен. Он с трудом обернулся, посмотрел вверх, и тут четыреста фунтов катящейся вниз бронзы отскочили от каменной стены и расплющили его о ступени.

Неугомонный колокол покати дальше.

– Не смотри, – предупредил Дерек, приобняв Джейн.

Он провел ее мимо изломанного тела, обогнул лужу крови.

Ковальски поднял оружие мертвеца, махнул вперед.

– Не тормозить!

Лицо у здоровяка было озабоченным. Его волновало то,

что ждало беглецов внизу. Колокол вырвался из башни и влетел в церковный неф. Круша скамьи, бронзовая громадина проломила первый ряд сидений и перед вторым наконец замерла.

Беглецы остались под прикрытием башни. Ковальски придержал Дерек с Джейн и внимательно оглядел церковь. В дальнем конце нефа, возле органа, сгрудились испуганные хористы.

С улицы летел вой сирен, со стороны южного крыльца в церковь через открытые двери полз дым. Дерек посмотрел туда. Пожар, видимо, распространялся. В деревне, где крыши в домах были соломенными, а рамы – деревянными, тлеющие угли вкупе с ветром могли наделать большой беды.

Откуда-то сбоку пронзительно свистнули. В церковь через северное крыльцо шагнула темная фигура.

Напарница Ковальски.

– Если вы закончили буянить, – крикнула она, – давайте делать ноги из этой чертовой деревни!

Джейн выскочила на открытое место первой.

– Самое разумное предложение за весь вечер...

Глава 6

31 мая, 07 часов 22 минуты по британскому летнему времени

Милл-Хилл, Англия

Кто-то замечает следы...

Грей стоял за полицейским оцеплением и со злостью смотрел на горящие останки медицинской лаборатории. Институт Фрэнсиса Крика – подразделение Британского государственного института медицинских исследований – располагался в Милл-Хилле на окраине Лондона. В центре большого комплекса высилось кирпичное здание с четырьмя просторными крыльями. Из зияющих окон на северо-западной стороне валил дым. Несколько пожарных расчетов поливали тлеющее сооружение водой.

Как только самолет приземлился на авиабазе, Пейнтер сообщил Грею с Монком о взрыве в лаборатории. Им приказали ехать напрямиком в Милл-Хилл для встречи с человеком, который, по словам директора, располагал ценной информацией.

Они ждали уже больше тридцати минут, и раздражение Грея все росло. Он рвался в бой, в погоню за теми, кто устроил взрыв здесь и нападение в Ашвелле. Пейнтер рассказал о неудавшемся похищении Джейн Маккейб. Сейхан с Коваль-

ски сумели защитить дочь профессора и его коллегу. Сейчас все четверо отсиживались в неприметном отеле в центре Лондона, и Грей сгорал от нетерпения поскорее попасть к ним.

Монк убрал протез от радионаушника.

– Какие новости? – спросил Пирс.

– Неважные. Кэт подтвердила наши худшие опасения. – Монк кивнул на дымящиеся руины. – Тело, образцы... Все сгорело.

Грей покачал головой. Тело профессора Маккейба поместили в эту лабораторию, работающую с биологически опасными веществами. Сотрудникам поставили задачу изолировать и опознать инфекцию, найденную в мумифицированных останках.

– Не пойму, зачем жечь тело, – нахмурился Монк. – К чему такие сложности? Этой болезнью уже заразилась куча народа.

По данным Кэт, не только заразилась, но и умерла.

Грей прищурил глаза. В утреннем небе стоял удушающий дым.

– Вряд ли поджигателей волновал возбудитель болезни. На самом деле они хотели сжечь мосты.

– То есть?

– Мы ведь планировали не только изучить болезнь, но и проанализировать содержимое профессорского желудка – кору и прочее – и определить, где все это время держали

Маккейба. И где, возможно, до сих пор держат остальных членов экспедиции.

Профессорского сына в том числе.

– Значит, придется начинать с нуля, – вздохнул Монк.

– Причем на всех фронтах. Мы до сих пор не знаем, кто похитил Сафию аль-Мааз.

Судя по первоначальным донесениям, налетчики на Британский музей следов не оставили. Тела группы захвата, действовавшей в Ашвелле, осмотрели местные власти. Удостоверений личности не нашли. Повсюду разослали фотографии и отпечатки пальцев, а сбежавшую преступницу объявили в розыск.

Однако особых надежд Грей не питал. Люди, стоявшие за этими нападениями, обладали большими ресурсами и достоверной информацией. Удары наносились с хирургической точностью. Их целью было уничтожить все ключи к разгадке тайны профессора Маккейба.

Только зачем? И зачем похищать доктора аль-Мааз? Чтобы просто допросить? Выведать, много ли ей известно?

Грея не покидало ощущение, что он упускает нечто важное. Ощущение зудело где-то на краешке сознания и силилось оформиться в мысль. Грея завербовали в «Сигму», в частности, за его выдающуюся способность складывать мозаику из разрозненных кусочков, обнаруживать закономерность там, где никто другой этого сделать не мог. Однако да-

же Пирс иногда бывал бессилён.

Как сейчас.

Он тряхнул головой. Чтобы сложить нынешнюю мозаику, кусочков пока маловато.

Предполагаемая обладательница недостающей информации наконец вышла из института и направилась к Грею с Монком. Кэт заранее прислала им фотографию: доктор Илара Кану. Кэт, как специалист по разведке, имела обширные контакты по всему миру. Грей попробовал выяснить, откуда она знает британку, но Кэт ответила туманно: «Пусть сама объяснит».

Доктору Кану оказалось тридцать с небольшим – как и Грею. На ней были джинсы и наполовину расстегнутый белый пиджак, открывавший броское коралловое ожерелье. Темные, коротко стриженные волосы, изящные, даже благородные черты лица. Она вместе с родителями эмигрировала из Нигерии в двенадцатилетнем возрасте и со временем получила степень доктора эпидемиологических наук – эта дисциплина изучала особенности массовых заболеваний. Сейчас доктор Кану работала на британское подразделение под названием Идентификационно-консультативная служба.

Хотя ночью доктор Кану наверняка не спала, усталой она не выглядела. Темные глаза блестели, лишь веки немного припухли.

– Вы, должно быть, командер Пирс, – с ярко выраженным британским акцентом произнесла ученая, затем с лег-

кой улыбкой повернулась к Монку: – И знаменитый доктор Коккалис. Кэт много о вас рассказывала.

– Неужели? – Монк подал доктору Кану руку. – Надо бы объяснить жене значение слова «конфиденциальность».

Улыбка доктора Кану стала шире, она с удовольствием пожала протянутую ладонь.

– Не переживайте. Рассказы были только о хорошем. В основном.

– Вот именно про «в основном» я и переживаю.

Грей перешел к делу:

– Кэт говорила, что у вас есть кое-какие идеи.

Илеара вздохнула, обеспокоенно глянула на взорванную лабораторию.

– Идеи – пожалуй, слишком громкое слово. У меня есть кое-какие ответы, но они, к сожалению, рожают новые вопросы.

– Мне сейчас любые ответы сгодятся.

Монк кивнул.

Илеара жестом позвала их за собой:

– У меня тут неподалеку машина.

– Куда поедем? – Грей пошел рядом, приноравливаясь к размашистым шагам длинных ног.

– Кэт вас не предупредила? – нахмурилась Илеара. – Мне нужно срочно поговорить с Джейн Маккейб.

– Зачем?

– По словам Кэт, мисс Маккейб сумела спасти кое-какие

бумаги отца. В них, в частности, говорится о том, что эта болезнь однажды уже достигала берегов Британии. – Доктор Кану подошла к своему автомобилю.

Грея тоже коротко проинформировали о вспышке вековой давности. Хотя он мечтал поскорее увидеть остальных, годы оперативной работы научили его осмотрительности. Кэт этой женщине доверяла, но Грей ее не знал. Ситуация нуждалась в прояснении.

– Почему вас так интересует та давняя история? – Он придержал рукой дверцу автомобиля, не дав ее открыть.

Илеара бросила на него сердитый взгляд, словно ответ был очевиден.

– Не знаю, слышали вы или нет... сама я узнала только час назад. В Каире и в соседних с ним городах уже десятки зараженных. В Лондоне во избежание подобного принимаются экстренные меры, но может быть поздно. Начали поступать единичные сообщения о новых случаях заболевания – у тех, кто летел через Хитроу или Каир. Та же высокая температура, те же тяжелые галлюцинации.

– Галлюцинации? – перебил Монк.

Илеара кивнула.

– Новый клинический симптом, появляется у больных при смерти. По-видимому, осложнение на фоне менингита.

Монк подошел ближе. У него было медицинское образование, и он явно жаждал подробностей про таинственную болезнь.

– Все это, конечно, познавательно, – пресек Грей поползновения друга. – Но меня по-прежнему интересует, какое отношение к нынешним событиям имеет эпидемия девятнадцатого века.

– Зараженные есть уже в Берлине, Дубае, Кракове. – Илеара принялась загибать пальцы. – Даже три случая в Нью-Йорке и один в Вашингтоне.

Грей встревоженно глянул на Монка.

– Хуже всего в Каире. Там началась паника, удерживать ситуацию под контролем все труднее. – Илеара оттолкнула руку Грея от двери и сурово посмотрела ему в глаза. – Почему меня интересует давняя эпидемия? Потому что мои коллеги из девятнадцатого века умудрились каким-то образом ее остановить. Если в архиве профессора Маккейба есть подсказка, как они это провернули, ее нужно получить поскорее. Пока не поздно.

– Она права, – сказал Монк.

– Почему вы? – Грей гнул свою линию. – Почему решение ищите лично вы, в одиночку?

Илеара немного обмякла и махнула рукой в сторону столба дыма.

– Потому что в Совете медицинских исследований, который курирует изучение патогена, одни глупцы. Они целиком полагаются на современную науку, электронную микроскопию, анализ ДНК и генетическое картирование. Эти узколобые люди не верят в работу ученых вековой давности, а зря.

– Таких немало, – кивнул Монк. – Причем не только в науке. Люди часто пропускают мимо ушей давнее предостережение: «Кто забывает уроки истории, обречен на ее повторение».

– Вот именно. Поэтому я и пошла в Идентификационно-консультативную службу.

– Чем она занимается? – полюбопытствовал Грей.

– Это подразделение Британского музея естествознания. Мы изучаем непонятные явления – в частности, научные загадки, которые не удалось разгадать обычными методами. Исследуем музейные документы, применяем для раскрытия тайн современные технологии...

– Я понял. – Монк сделал брови домиком. – Малдер и Скалли⁵ работают на вас.

– Поверьте, – Илеара с улыбкой открыла дверцу машины, – истина где-то рядом. Главное – не бойтесь ее отыскать. Доктор Кану скользнула за руль. Грей закатил глаза.

– Неудивительно, что она нравится Кэт, – ухмыльнулся Монк.

– Почему это? – не понял Пирс.

– Уважаемая доктор Кану такая же ненормальная, как и мы.

⁵ Имеются в виду спецагенты ФБР Фокс Малдер и Дана Скалли, главные герои культового американского телесериала «Секретные материалы», основным сюжетом к которому (в русском переводе) была фраза: «Истина где-то рядом».

Одной рукой Дерек потер глаза, а второй прикрыл зевок. На столе перед ним лежали книги, дневники, бумаги – все, что он успел сунуть в сумку перед бегством из дома Маккейбов.

В них точно есть что-нибудь важное.

Это заклинание помогало Дереку бодрствовать всю ночь. Впрочем, вряд ли он смог бы уснуть. Ашвелл благополучно остался позади, но в Лондон Дерек все равно прибыл взвинченным. В крови бурлил адреналин, нервы звенели. Нос, который кое-как вправили и заклеили пластырем, естественно, пульсировал и болел, игнорируя целую горсть выпитых болеутоляющих.

Дерек повернул голову. Джейн сумела уснуть на отдельном диване. Сейхан дремала на соседнем стуле: подбородок покоился на груди, пистолет – на коленях. При первых же признаках опасности она наверняка вскочит. Последний член команды, великан Ковальски, стоял на страже у окна. Беглецы приехали на поезде среди ночи и сняли номер в отеле под фальшивыми именами, однако все понимали, что терять бдительность не стоит.

Дерек вернулся к работе. Перед ним лежал кожаный том с корреспонденцией Ливингстона. Рэнкин уставился на очередную страницу, помеченную профессором Маккейбом. Это письмо было адресовано Стэнли и содержало бессвяз-

ный отчет о флоре и фауне болотистых земель вокруг озера Бангвеулу, где путешественник продолжал искать источник Нила. Страницу украшал очередной натуралистический рисунок Ливингстона – гусеница и бабочка.

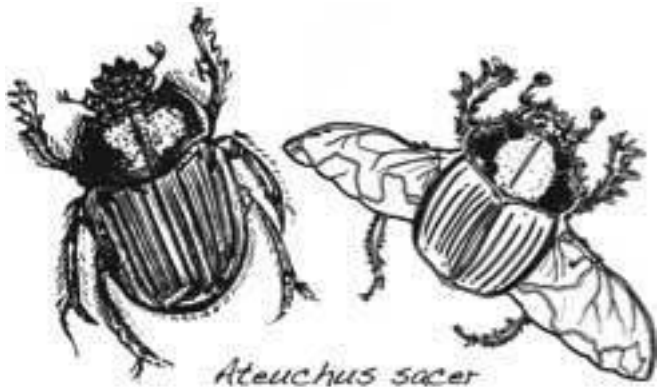

Даже не будучи энтомологом, Дерек узнал название насекомого: *Danaus chrysippus*, Данаида хризипп. Африканский монарх, исконный обитатель Нильского бассейна. Эту довольно крупную бабочку любили изображать древние. Рисунок данаиды обнаружили в Луксоре на египетской фреске, написанной около трех с половиной тысяч лет назад.

Дерек вновь потер натруженные глаза.

Что все это значит?

Он в последний раз пролистал книгу, не понимая интереса профессора Маккейба к старым письмам. Вернулся к первому рисунку – жука, египетского скарабея.

Дерек пробовал сосредоточиться, но от переутомления перед глазами все плыло.

Он вздохнул, готовый сдаться.

Напрасная трата вре...

И тут Дерек увидел. То, что всю ночь ускользало от его напряженного внимания, открылось благодаря усталости. Пораженный, он отъехал от стола вместе со стулом. Вышло довольно громко.

Резкий шум потревожил Джейн.

– Что такое? – Она подняла голову.

Дерек был пока не готов рассказать.

Сначала я все проверю.

Он схватил планшет. Сфотографировал страницу, воспользовался беспроводным Интернетом отеля, запустил «Гугл».

Пожалуйста, пусть я буду прав.

Джейн, похоже, поняла – Дерек что-то нащупал.

– Что ты делаешь?

– По-моему... – Он посмотрел на нее. – По-моему, я знаю, куда отправился твой отец.

Их прервал грубый голос сзади.

– У нас гости. – Ковальски отпрянул от окна. – Нам пора.

08 часов 51 минута

Сейхан вскочила с бешено бьющимся сердцем, выругав себя за небрежность. Как их выследили?! В голову ничего не приходило. Вспомнилась ночная убийца на берегу ашвелльского пруда, ее бледное лицо в лунном свете... Опасный противник.

Ковальски хмуро покосился на «ЗИГ-Зауэр» в руке у Сейхан.

– Остынь, – произнес здоровяк. – Прибыли Грей с Монком. – Он выглянул в окно. – И с ними еще кто-то.

Пистолета Сейхан не опустила. Она взвешивала, не пристрелить ли Ковальски. Зря ее переполошил!.. Заметив испуганные лица подопечных, Сейхан спрятала оружие в кобур.

– Всё в порядке, – успокоила она. – Это наши коллеги. Я говорила, что мы здесь с ними встретимся.

Дерек облизнул губы, кивнул. Джейн подсела к нему по-

ближе, почти спряталась за его спину.

– Собирайте вещи. – Сейхан указала на стол. – Ковальски прав. Нам пора.

– Я думаю... – возразил Дерек

– Думайте на ходу, – велела она. – Чем дольше мы торчим на одном месте, тем больше у них шансов нас выследить.

Краткосрочный план состоял в том, чтобы доставить Дерек с Джейн в надежный дом на побережье, подготовленный директором Кроу. Все шло по графику, отчего сердце Сейхан билось лишь сильнее. Перед глазами вновь встало татуированное лицо убийцы.

Хорошо, что приехал Грей. Сейхан поговорит с ним, и он поможет ей разложить все по полочкам.

Ведь не может быть...

С той самой минуты, как она застыла на берегу ашвелльского пруда, в душе Сейхан поселилось смятение. Она раз за разом прокручивала в голове ночное приключение. Там, в лесу, Сейхан хотела продолжить гонку, но понимала, что выйти на открытую воду – значит напрасно рискнуть собой. И все же она раздумывала над этим – пока церковный колокол не воззвал к ее чувству долга, не напомнил о том, что она больше не наемница Гильдии. Теперь у Сейхан новые обязанности, она отвечала за чужие жизни. Однако душа рвалась вперед, в погоню, несмотря на риск.

Сейхан внимательно посмотрела на Дерек и Джейн, которые спешно собирали бумаги со стола. От них ошутимо ве-

яло страхом. Сейхан заледенела от презрения – это произошло машинально, как у граммофонной иглы, которая привычно перескакивает на заезженную дорожку. От собственной реакции Сейхан разозлилась еще сильнее: на себя, на них.

И отвернулась.

Как меня сюда занесло?

Постучали. Ковальски, который уже ждал у порога, предупредительно распахнул дверь, впуслав новопривывших.

Грей вошел первым, сразу заметил Сейхан и улыбнулся, немного успокоив бурю у нее внутри. Он быстро оглядел номер, ничего не упуская. Следом появились Монк и высокая чернокожая женщина. Склонив головы друг к другу, они что-то увлеченно обсуждали.

Сейхан подозвала Грея. Она хотела все ему рассказать, причем еще до поездки в конспиративный дом.

Их отвлек голос Монка – удивленный, резкий.

– Думаете, профессор Маккейб умер от этого?! – Коккалис посмотрел на собеседницу.

– Либо от этого, либо от процесса мумификации, – ответила незнакомка. – Мы не успели закончить анализ до того, как тело сожгли.

Из-за спины Дерека выскочила Джейн – белая как мел.

– Кого сожгли?!

Монк наконец заметил, что его слушают.

– П-п... – заикаясь, произнес он, раздосадованный своей

бестактностью. – Я прошу прощения, мисс Маккейб.

– Злоумышленники взорвали лабораторию, где держали тело вашего отца, – встрял Грей.

Джейн отшатнулась. Дерек поддержал ее, приобняв за плечи.

– Зачем? – спросила она.

– Видимо, затем же, зачем сожгли и ваш дом в Ашвелле, – ответил Дерек. – Заматают следы.

Грей кивнул и начал излагать подробности, но Джейн его перебила.

– Вы обсуждали, от чего умер отец, – обратилась она к Монку с незнакомкой.

Те переглянулись, и Коккалис указал на Джейн:

– Она имеет право знать.

– Тогда я лучше покажу. – Женщина сняла с плеча сумку-портфель, достала оттуда ноутбук и установила на столе. – Только учтите, результаты пока предварительные.

Все собрались вокруг компьютера, и Сейхан потянула Грея в сторону.

– Пойдем обсудим наше ночное приключение. Директору Кроу я сообщила не все.

– В чем дело? – Брови Грея озабоченно сошлись на переносице.

В глаза ему Сейхан не смотрела. Она боялась, что Грей разглядит желание, упрятанное в самые дальние закоулки ее сердца. Сейхан представила девушку, которая беспечно пе-

ребегает пруд и замирает лишь на миг – чтобы оглянуться. Чтобы подзадорить, позвать за собой. В этом мимолетном взгляде не было ни страха, ни даже злости. Нет, в нем светилась свобода – вольготная, необузданная.

Сейхан хорошо помнила, каково это – быть той девушкой, ходить по краю, за пределами добра и зла. Жить только для себя.

– Что произошло? – переспросил Грей.

Она так и не подняла глаз – даже когда он погладил ее по щеке костяшками пальцев. Сейхан не видела Грея больше месяца и соскучилась по его прикосновениям, его запаху и дыханию. Грей любил ее. Его любовь служила якорем, за который Сейхан цеплялась во времена душевного смятения. Только честно ли это по отношению к Грею? В поисках ответа она вызвалась поехать на задание в Марракеш – взяла тайм-аут. Однако нашла не ответ, а кое-что другое: перед ней соблазнительно замаячило прошлое.

– Сбежавшая девушка. Которая с татуировками.

– Что девушка?

– Я ее узнала. – Сейхан наконец посмотрела на него, решившись открыть правду. – Точнее сказать, я о ней слышала.

– Где?

Сейхан не стала прятать глаза.

– Она – наемная убийца из Гильдии.

Глава 7

31 мая, 09 часов 14 минут по британскому летнему времени

Лондон, Англия

Не может быть...

Слова Сейхан ошеломили Грея. Первым побуждением было от них отмахнуться, но он прочел в зеленых глазах твердую уверенность.

– Да нет же. – Пирс помотал головой. – Гильдию мы уничтожили.

Сейхан посмотрела в окно и горько сказала:

– Я-то жива. А ведь я входила в эту кровавую организацию.

– То было в прошлом. – Он коснулся ее плеча.

– Иногда от прошлого не убежать. – Сейхан, дрожа, нырнула в объятия к Грею. – Мы отрезали змее голову, но кто сказал, что на ее месте не выросла другая?

– Мы все досконально проверили.

– Значит, выросла новая змея. Свято место пусто не бывает. – Сейхан настороженно посмотрела на Грея; казалось, она чего-то недоговаривает. – В любом случае у Гильдии были и другие наемники, кроме меня. Они вполне могли сбежать и затаиться в тени.

– А потом найти новых хозяев, – согласился Грей.

– Как я. – Она отстранилась.

– Сейхан...

– Если уж попал в тень, то оттуда не выйдешь. Так, чтобы полностью. – Сейхан напряженно посмотрела Грею в глаза. – Тебе прекрасно известно, что на меня охотятся многие страны, я у них в списке террористов. В «Моссаде» в отношении меня есть приказ немедленно открывать огонь на поражение.

– «Сигма» тебя защитит, ты же знаешь.

– Да, пока я полезна, – тихонько фыркнула Сейхан.

– Неправда.

– Ты действительно в это веришь? – Она не сводила с него глаз.

Грей задумался. Ближайшее окружение «Сигмы» – в том числе и директор – не предаст Сейхан, в этом Грей не сомневался. Однако ее прошлое держали в тайне от всех остальных – в том числе и от кураторов «Сигмы» в УППОНИР. Что произойдет, если Сейхан вытащат из тени на свет?

Не успел Грей ответить, как доктор Кану торжественно подытожила, глядя в ноутбук:

– Вот с чем мы сражаемся. И вот почему так важно это остановить.

Грей тронул Сейхан за локоть – молчаливо пообещал договорить позже. Она, так и не успокоившись, направилась к столу.

– Что это? – спросил Дерек.

Он налег на спинку стула и склонился к монитору.

– Перед вами трехмерный объемный рендеринг микроскопического изображения нервной клетки из головного мозга профессора Маккейба, – объяснила Илеара. – Вот эти светящиеся корешки – отростки нейрона. А покрытые волосками палочки-наросты – неизвестный патоген, обнаруженный в воспаленной нервной ткани покойного.

– Значит, инфекция не вирусная, а бактериальная? – удивился Монк.

– Оба предположения неверны, – покачала головой Илеара.

– То есть? – опешил Коккалис.

– Данный одноклеточный микроорганизм – не бактерия. В нем нет ни ядра-нуклеоида, ни других органелл. Биохимия микроба совершенно отлична от обычных бактерий, да и от

большинства форм жизни тоже.

– Так что же это такое? – спросила бледная Джейн; ей было тяжело обсуждать гибель отца.

– Неклассифицированный представитель домена архей.

– А-а... – Монк кивнул.

Судя по недоумению на лицах, он единственный что-то понял.

К счастью, Илеара растолковала:

– Клеточные формы жизни делятся на три ветви, или *домена*. Бактерии, их мы хорошо знаем. Эукариоты, включающие практически все остальное: водоросли, грибы, растения, даже нас. И только в тысяча девятьсот семьдесят седьмом году выделили третью, отдельную группу – археи. Они уникальны и имеют собственную независимую эволюционную историю. Возможно, археи – древнейшая форма жизни. Они очень необычны.

– Почему? – уточнил Грей.

– Размножаются археи бесполом путем, бинарным делением, зато они искусно встраивают в свои биохимические и генетические процессы другие формы жизни. В частности, вирусы. Некоторые эволюционные биологи полагают, что археи и вирусы развивались бок о бок, что их созависимым отношениям уже два миллиарда лет. Экземпляр, который я вам показываю, битком набит вирусными частицами. Какими именно, мы еще не выяснили.

Грей представил волосатую клетку, кишашую вирусами.

Что ж это за дрянь-то такая?

– Благодаря необычному генетическому строению археи выживают в самых экстремальных условиях. В горячих гейзерах. В ледяной тундре. В сильнокислотной и щелочной средах.

– Этот тоже? – Грей почувствовал, что они подобрались к сути, и ткнул пальцем в экран.

Илеара уперла кулаки в бедра и неодобрительно посмотрела на микроорганизм – словно на несговорчивого оппонента.

– Археи, как вы уже поняли, используют самые разные источники энергии: сахара, аммиак, ионы металлов, даже сероводород. Одни связывают углерод, другие питаются солнечным светом.

– Как растения? – спросил Дерек. – В процессе фотосинтеза?

– Нет. У них другой метаболический путь, свойственный исключительно данному виду. Так вот, повторяюсь, археи очень изобретательны. Особенно вот этот мелкий мерзавец.

– Чем же питается он? – нахмурился Грей.

Илеара обвела глазами слушателей.

– Кто из вас слышал о геобактере или о шеванелле?

Монк заерзал и, округлив глаза, выпалил:

– Не хотите же вы сказать?..

– Хочу.

– Колитесь уже, – вставил Ковальски, который вновь за-

нял пост у окна.

Грей целиком поддержал это предложение и вопросительно глянул на Монка.

– Обе бактерии питаются электричеством, – снизошел тот.

– И не только они, – кивнула Илеара. – Науке известны десять других видов, обитающих в разных местах земного шара. На самом деле таких бактерий, наверное, гораздо больше, просто мы их пока не открыли. Но из домена архей это – первый подобный экземпляр.

– Он *ест* электричество? – недоверчиво переспросила Сейхан.

– Наши собственные клетки делают то же самое, – пояснил Монк. – По сути, мы отрываем электроны от молекул сахара и храним их в виде АТФ, который обеспечивает энергией наши жизненные процессы. А электрические бактерии просто отказались от посредника, от АТФ. Они поглощают электроны напрямую из окружающей среды.

– Откуда именно? – озадачился Дерек.

– С поверхности минералов, – пожала плечами Илеара. – Со дна моря, где возникает естественная разница потенциалов. Знаете, как ученые открывают новые виды таких бактерий? Просто суют электроды в ил и ждут, кто явится на кормежку.

– А этот микроб? – Грей с любопытством посмотрел на монитор.

– Честно говоря, я не знаю, как именно добывает электричество он, – призналась Илеара. – Если б мы выяснили первоначальную среду его обитания, тогда, возможно, я и ответила бы.

Грей заметил, как Джейн и Дерек переглянулись.

Что за тайны?

– Но кое-что я все-таки знаю, – вновь заговорила Илеара. – Этот микроб не случайно выбрал именно *мозг* профессора Маккейба. Попад в кровоток зараженного человека, микроб обживаетея в той части нашего тела, где энергии хоть отбавляй.

Грей представил нейроны, выстреливающие целыми волнами энергии.

– Эти волосистые наросты прикрепляются к нейронам и ведут себя как энергетические вампиры, – продолжала Илеара. – В свою очередь, тело реагирует так, как оно реагирует на любой чужеродный организм: начинает воспалительный процесс.

– Что провоцирует менингит, – подхватил Монк. – И упомянутые вами галлюцинации.

– Да, – мрачно подтвердила доктор Кану. – Однако менингит не *бактериальный*, который довольно плохо поддается лечению, а *археальный*, который вообще раньше не встречался. И это еще не самое страшное.

– Не самое? – изумился Грей.

– Как только микроб находит себе подходящее место, он

начинает стремительно размножаться. Потому-то клинические симптомы и прогрессируют так быстро. При размножении каждая делящаяся клетка извергает из себя множество вирусов, обитающих внутри нее. Вирусов разных видов. Мы пока не представляем, для чего нужен этот процесс.

– Значит, борьбу с болезнью придется вести сразу на нескольких фронтах, – заметил Монк. – Нужно создать не только антибиотик, убивающий эту волосатую тварь, но и целый арсенал противовирусных препаратов.

– Именно. Пока же у нас нет ни оценки уровня смертности, ни понимания механизмов заражения. Хотя болезнь почти наверняка передается воздушным путем. Кроме того, модели предсказывают, что заражение возможно не только среди людей.

– Логично, – согласился Монк. – Под угрозой все, кто обладает электрической нервной системой: собаки, кошки, мыши... Черт, даже насекомые, наверное! Плохо дело.

– Очень плохо? – уточнил Грей.

– ЦКЗ разработал шкалу оценки тяжести пандемий, от одного до пяти, – вновь вступила Илеара.

– Как у ураганов.

– Верно. В данном случае предрекают пятибалльный ураган. – Она обратилась к Джейн: – Поэтому крайне важно узнать, что именно ваш отец выяснил насчет прошлой вспышки болезни – когда в Британском музее распечатали талисман доктора Ливингстона.

Джейн посмотрела на Дерека, будто предлагая ответить ему.

– Вам что-то известно? – насторожился Грей.

– О потенциальном лекарстве – ничего, – неохотно сказал Рэнкин. – Но я, кажется, понял, куда отправился профессор Маккейб и где именно он пропал.

– Что? Как?! – Грей был потрясен.

Дерек повернулся к разбросанным на столе бумагам.

– Сейчас покажу.

09 часов 55 минут

Пусть я буду прав... ради Джейн.

Дерек видел, какой надеждой сияют ее глаза. Наверняка она думала о Рори, о том, что ее брат, возможно, жив. Несколько минут назад Рэнкин поделился с ней своими предположениями. Неизвестно, к чему они приведут – к разгадке или к еще большему разочарованию. Однако молчать дальше нельзя – если этот патоген и вправду так опасен.

Дерек придвинул к себе книгу, украденную из библиотеки в Глазго.

– Профессор Маккейб настойчиво искал доказательства, которые подтвердили бы историю Исхода. В ходе поисков профессор, видимо, и обнаружил рассказ Ливингстона о подаренном ему талисмане.

Дерек раскрыл полевой дневник Маккейба на странице с

рисунком *арибалла* – сосуда для масел, украшенного мордой льва и женским профилем. Затем показал остальным иероглифы, нацарапанные на дне сосуда и означающие египетское название Нила.

– Это тот самый экспонат, который привел к смерти сотрудников музея? – Илеара придвинулась ближе.

– Да, – подтвердил Дерек. – По крайней мере, так утверждает история. Только не забывайте: та же история утверждает, будто *арибалл* хранил кровавую воду из древнего Нила.

– Правда это или нет, – добавила Джейн, – но такая легенда обязательно вызвала бы у отца любопытство.

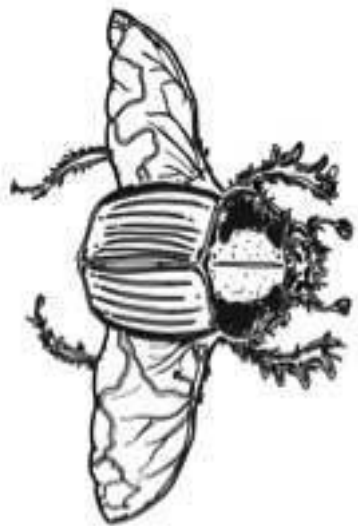
– Да, и она вывела профессора на переписку между Ливингстоном и человеком, который однажды спас его, – Генри Мортонем Стэнли. – Дерек открыл подшивку старых писем. – Профессора Маккейба, похоже, заинтересовали несколько посланий, особенно те, где были натуралистические зарисовки Ливингстона.

Рэнкин нашел страницу с изображением скарабея.

– Поначалу я решил, что профессор отметил это письмо из-за его связи с Древним Египтом. Однако затем меня кое-что насторожило в рисунке, поэтому я сфотографировал его и решил с ним поработать. Я только начал – и тут приехали вы...

Все сгрудились у Дерека за спиной. Он открыл на «Айпэде» фотографию и начал поворачивать ее стилусом. Наконец

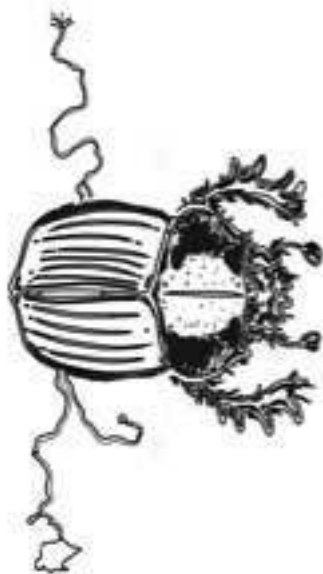
крылья жука расположились вертикально.

– И что? – спросил Монк, наморщив нос.

– Рисунок на крыльях показался мне каким-то неправильным, хоть я и не специалист по насекомым. Тогда я попробовал вот что. Смотрите.

При помощи программы для обработки изображений Дерек стер большую часть крыльев, оставив лишь странные жилки.

– Господи... – Грей выпрямился.

Рэнкин удивленно глянул на американца – неужели тот так быстро понял?

– Давай, – подбодрила Джейн с такой гордостью, что внутри у Дерека вспыхнул огонь. – Показывай дальше.

Он стер остального скарабея, затем подвинул одну жилку к другой и соединил их.

– Похоже на реку, – прищурившись, произнесла Илеара.

– Не просто на какую-то реку, – заметил Дерек. – Обратите внимание на устье вверху, на озера на концах притоков: одно маленькое, другое большое...

– Это карта Нила! – Грей с восхищением посмотрел на Рэнкина.

В подтверждение этих слов молодой человек вывел на планшет спутниковую фотографию нужного района, на которой был выделен бассейн реки, и поместил ее рядом с обработанным рисунком.

– Как видите, совпадает почти идеально.

Тем не менее Грей справедливо усомнился:

– Неужели Ливингстон сумел бы нарисовать столь точную карту Нила?

Ответила Джейн:

– Конечно. К тому времени Ливингстон уже успешно нанес на карту обширные районы Африки, в том числе почти всю реку Замбези. За свою работу он даже получил золотую медаль Королевского географического общества.

– Так что – да, сумел бы, – согласился Дерек. – К тому же почти все русло Нила было картировано еще при жизни Ливингстона.

– Зачем это прятать? – спросил Монк. – Зачем вписывать реку в крылья жука?

– Примерно в те же годы к подобным уловкам прибегали британские разведчики, – вспомнила Илеара. – К примеру, Роберт Баден-Пауэлл. Он служил офицером военной разведки, выдавая себя за энтомолога, и под носом у врага делал разные натуралистические зарисовки – букашек, листиков, – в которых прятал сведения о военных объектах, численности противника и так далее.

– Имя вроде бы знакомое... – нахмурился Грей.

– Баден-Пауэлл позже основал скаутское движение, – улыбнулась Илеара.

– Вот тебе и «будь готов!»⁶, – хмыкнул Монк. – Все равно непонятно, зачем Ливингстон скрыл карту Нила в крыльях жука.

– У меня есть предположение, – вздохнул Дерек. – Он хотел тайно указать своему другу Стэнли местонахождение какого-то очень важного объекта.

– Каким образом? – поинтересовалась Сейхан.

Дерек вернул на экран первое изображение скарабея.

– Смотрите. Ливингстон разделил русло реки на две половины и поместил между ними тело скарабея. Для Стэнли этот жук наверняка имел большое значение.

⁶ Девиз бойскаутов по-английски звучит как “Be prepared!” – «Будь готов!»; позже его заимствовала наша Всесоюзная пионерская организация им. В. И. Ленина.

– Потому что был египетским, – догадался Грей.

– Именно. Обоих исследователей интересовал Древний Египет. Я думаю, Ливингстон использовал тело скарабея в качестве большого крестика, которым обозначил некое место по течению Нила. В этом месте лежит что-то важное и ждет, пока его найдут, – что-то связанное с древними египтянами.

– Отец, видимо, пришел к такому же заключению и загорелся идеей организовать экспедицию в тот район, – подытожила Джейн.

Дерек начертил крестик на рисунке – там, где Ливингстон разделил реку надвое. Отметка попала почти на то место, в котором Нил расходился на два главных притока: Голубой Нил и Белый Нил.

– Неподалеку отсюда, – Дерек ткнул в крестик, – как раз строят суданскую плотину гидроэлектростанции. Под прикрытием инженерных изысканий профессор Маккейб легко мог прочесать эту местность.

– И, судя по состоянию его тела, – подхватил Грей, – он явно что-то отыскал.

– Или что-то отыскиало его, – добавил Монк.

Илеара отошла в сторону и стала разглядывать изображение двухголового *арибалла* в полевом дневнике.

– Так или иначе, профессор подхватил ту же болезнь, что была в загадочном талисмানে. – Она повернулась к остальным. – Неизвестно, живы ли другие члены экспедиции, но если подсказки Ливингстона приведут нас к источнику инфекции, то это прольет свет на ее природу... и на возможное лекарство.

– Значит, едем на поиски, – решил Грей.

Все согласились безоговорочно – кроме одного человека.

– Это, конечно, чудесно, – протянула Сейхан. – Только есть еще одна загадка, которую мы так и не решили.

– Что произошло с Сафией аль-Мааз? – кивнул Грей, и его лицо посуровело.

Дерека кольнуло чувство вины – от волнения он совсем забыл о похищении Сафии.

– Что мы можем сделать? – встревоженно спросила Джейн.

– Пока ничего, – признал Пирс. – Расследование в музее не дало никаких зацепок. Нужно ждать. А тем временем займемся вот этим. – Он кивнул на рисунки.

Дерек посмотрел в окно. Бросать Сафию без помощи было страшно, но Грей рассуждал разумно. Вздыхнув, Рэнкин сделал единственное, что он сейчас мог, – молча помолился.

Пожалуйста, выживи...

Глава 8

31 мая, 10 часов 04 минуты по восточному летнему времени

Канадский Арктический архипелаг

Сафия прислонила ладонь к окну и даже сквозь тройной стеклопакет ощутила холод. Решетки отсутствовали, но помещение все равно было тюремной камерой. За стеклом до самого горизонта тянулся зимний пейзаж, в небе висели низкие облака. Черная гранитная земля пестрела шрамами глетчерного льда и широкими полосами снега. Скалы вдали спускались к морю, покрытому битым льдом.

Где я?

Этот вопрос мучил Сафию с тех самых пор, как она пришла в себя на борту вертолета. Сафия была привязана ремнями к носилкам и воспринимала происходящее очень смутно, то и дело проваливаясь в беспамятство. Кажется, на нее напали в музее, накачали снотворным и похитили. Позже раздели и натянули на нее серый комбинезон. Чувствуя себя оскверненной, она скрестила руки, стиснула пальцами плечи. Отвернувшись от окна, оглядела свой приют. Бетонная комнатуха едва вмещала кровать, унитаз и раковину.

К счастью, похитители оставили Сафии наручные часы, подарок мужа на третью годовщину. Когда она пришла в се-

бя, ее пальцы крепко стискивали браслет – держались за родную вещицу, как за соломинку. Так Сафия узнала, что с момента похищения прошло меньше суток.

В последние четыре часа ее способности постепенно восстанавливались, хотя голова по-прежнему нещадно болела, а во рту было невероятно сухо. Благодаря камере под потолком тюремщики наверняка уже знали, что действие снотворного кончилось. Однако за Сафией никто не пришел, никто с ней даже не заговорил.

Чего от меня хотят?

В нижней части запертой стальной двери зияло небольшое вентиляционное отверстие – в него, наверное, было положено просовывать поднос с едой. На уровне глаз темнело крошечное окошко, сейчас плотно закрытое заслонкой.

Сафия вновь посмотрела в окно с морозными узорами. Пейзаж служил единственной подсказкой к тому, где расположена эта тюрьма. Замерзшая тундра, усеянное льдинами море...

Похоже, я в Арктике.

Сафия не представляла, какой здесь часовой пояс, зато она уже четыре часа наблюдала за солнцем. Светило почти не двигалось, словно висело над горизонтом круглосуточно. Скорее всего, так и было. Если Сафия не ошиблась в своих умозаключениях, то ее привезли куда-то севернее Северного полярного круга, в край полярного солнца.

Она стиснула пальцами горло и перевела взгляд на еще од-

ну примечательную деталь пейзажа. На сотни акров вокруг тянулся стальной лес. Каждое дерево представляло собой десятиэтажную антенну со скрещенными у вершины поперечными реями. Внизу по граниту извивались кабели, образуя могучую паутину.

Сафия, прищурив глаза, рассматривала внушительную конструкцию.

Похуже на огромную антенную решетку. Только для чего она?

В центре сооружения был вырыт большой котлован диаметром с добрую четверть мили. Он выглядел куда старше антенн. Стертые, заезженные края наводили на мысль о бывшей горной выработке.

Арктика служила важным источником нефти, редких минералов и драгоценных металлов. Из-за повышения зимних температур и таяния вечной мерзлоты внутренние северные земли становились все доступней, а горные работы на них – все активней. Арктику охватила настоящая золотая лихорадка, что добавило напряжения и без того непростым международным отношениям.

Здесь, несомненно, тоже когда-то вели добычу полезных ископаемых, но теперь это место явно использовали для чего-то другого.

Для чего? Зачем меня сюда привезли?

За спиной тихонько зажужжало. Сафия оглянулась.

Видеокамера под потолком направила на пленницу свой

глаз.

Сафия, пряча страх, ответила вызывающим взглядом.
Кажется, скоро я все узнаю.

10 часов 22 минуты

– Склонить ее к сотрудничеству будет непросто, – решил Саймон Хартнелл.

Он стоял, заложив руки за спину, и поглаживал шелковистые манжеты шерстяного костюма от Армани – привычка, свойственная Саймону в минуты размышлений. Сколько раз он в этой самой позе возглавлял заседание совета директоров! Сейчас Саймон Хартнелл рассматривал видеоизображение на настенном мониторе – подмечал упрямство на лице пленницы, оценивал противницу.

За спиной произнесли с русским акцентом:

– Мы сможем задействовать тот же козырь, что и против профессора Маккейба.

Саймон повернулся к начальнику службы охраны. Стройное мускулистое телосложение Антона Михайлова подчеркивали облегающие спортивные брюки черного цвета и куртка в тон. Белоснежные волосы Антон аккуратно стриг и приглаживал гелем; они острым мыском спускались на лоб между бровей. Жизнь в Арктике сделала кожу Михайлова бледной, почти прозрачной. Впрочем, ему не помогло бы даже экваториальное солнце. Антон, как и его старшая сестра Ва-

ля, страдал альбинизмом. Правда, они опровергали расхожее убеждение о том, что у альбиносов красные глаза: радужка и у брата, и у сестры сияла девственной голубизной.

Единственным пятном на лице у Антона была черная татуировка слева: половина солнца с загнутыми лучами пересекала щеку и восходила ко лбу над глазом. Сестра Антона, Валя, носила вторую половину на правой щеке.

Саймон как-то попробовал выяснить значение этих символов, но не получил внятного объяснения ни от сестры, ни от брата – те лишь завуалированно намекали на свое прежнее ремесло. Саймон завербовал обоих после того, как они осиротели – не по своей вине, а из-за краха предыдущего работодателя.

Антон с Вале́й оказались беспощадными, коварными и, самое главное, преданными. Меньшего Саймон и не ожидал – особенно если учесть, сколько он им платил. Впрочем, издержки эти были ерундой, ведь собственный капитал компании Хартнелла колебался между четырьмя и пятью миллиардами долларов, в зависимости от ежедневной оценки акций «Клифф эне́рджи». Саймон основал компанию после того, как бросил Уортонскую школу бизнеса: ему не терпелось перейти к своему истинному увлечению. И вот теперь все было под угрозой срыва.

Я почти у цели...

В следующем месяце Саймону исполнялось пятьдесят, и он задумал превратить свой юбилей в важную веху – даже ес-

ли для этого придется подорвать устои мира. Саймон Хартнелл планировал доказать скептикам их ошибку: зря они считали его эксцентричным миллиардером, который просто тешит собственное тщеславие.

В душе вспыхнул привычный гнев.

Скептики... Такие же идиоты высмеивали Ричарда Брэнсона за идею частных космических полетов или российского миллиардера Юрия Мильнера за поиск ответа на важнейший вопрос – есть ли во Вселенной другая жизнь?

А ведь в прошлом именно подобные мечтатели меняли курс истории. В начале XX века американское правительство находилось в безвыходном положении, не справляясь с растущими глобальными угрозами. Тогда богатые предприниматели – великие магнаты вроде Говарда Хьюза, Генри Форда и Джона Рокфеллера – вырвали контроль из рук самодовольных политиканов, возвестили начало эры технологий и разобрались с проблемами сами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.